

Джанни Родари

Сказки по телефону

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=155657

Джанни Родари «Римские фантазии»: Правда; Москва; 1987

Аннотация

В «Сказках по телефону», поражающих богатством фантазии, светлым юмором и оптимизмом, почти в каждой вы найдете основную мысль, выраженную в афористической форме, – обычно в конце истории. Скажем, Джованни мечтает вернуться в «Страну, где нет ничего острого», чтобы «жить по самым вежливым законам на свете», В «Дороге, которая никуда не ведет» писатель делает вывод, что «некоторые сокровища открываются только тем людям, которые первыми проходят по нехоженным путям». В «Стране, где все слова начинаются с „не“, никогда не бывает войн. „Если вдруг начинается война,– объясняет горожанин,– мы сразу же трубим в нетрубу, стреляем из непушки, и война тотчас же прекращается“. А „человек, который купил Стокгольм“ у какого-то пройдохи, не может догадаться, что „каждому ребенку, что появляется на свет, принадлежит весь мир, и ему ничего не надо платить за него – ни единого сольдо! Ему нужно только засучить рукава, хорошо поработать, и все на земле окажется в его руках“. Вчитайтесь в забавные истории,

приведенные в „Сказках по телефону“, и вы обнаружите в них много полезного для себя.

Содержание

Незадачливый охотник	14
Дворец из мороженого	17
Как гулял один рассеянный	19
Женщина, которая считала «апчхи!»	22
Страна, где нет ничего острого	25
Страна, где все слова начинаются с «не»	28
Страна, где все люди сделаны из масла	30
Про Алису, с которой всегда что-нибудь случилось	32
Шоколадная дорога	36
Как придумывают числа	38
Бриф! Бруф! Браф!	40
Как один человек купил город Стокгольм	42
Как Джованнино потрогал короля за нос	44
Карусель в Чезенатико	48
На пляже в Остии	51
Про мышонка из книжонки	54
Война колоколов	60
Фиалка на Северном полюсе	63
Про молодого рака	66
Волосы великана	69
Как убежал нос	72
Дорога, которая никуда не ведет	76

Пугало	80
Как один мальчик играл с палкой	81
Старые Пословицы	84
Про Аполлонию, которая лучше всех умела варить варенье	86
Старая тетушка Ада	89
Король, который должен был умереть	92
Солнце и туча	94
Рыбак из Чефалу	95
Король Мидас	98
Голубой светофор	101
Мышка, которая ела кошек	102
Долой девятку!	105
Тонино-невидимка	107
Вопросы наизнанку	111
Про Джильберто	113
Слово «плакать»	115
Перекормитное воспаление	117
Воскресное утро	119
Как поскорее уснуть	121
Прозрачный Джакомо	122
Мартышки-путешественницы	125
Один и семеро	127
Про человека, который хотел украсть Колизей	129
Лифт к звездам	132
Знаменитый дождь в Пьомбино	137

Человечек из ничего	138
Движущийся тротуар	139
Троллейбус номер	140
Страна, где живут одни собаки	144
Бегство Пульчинеллы	147
Солдатское одеяло	151
Колодец в Кашина Пиана	154
Про старого каменщика	157
Планета Правды	159
Космическое меню	161
Учебная конфета	164
Космический цыпленок	166
Про дедушку, который не умел рассказывать сказки	170
Приключения Пятерки	172
Всеобщая история	174

Джанни Родари

Сказки по телефону

Эта книга включает большую часть моих историй, написанных для детей в течение пятнадцати лет. Вы скажете, что этого мало. За 15 лет, если бы я писал каждый день только одну страницу, можно было бы уже иметь примерно 5500 страниц. Значит, я написал намного меньше, чем мог. И все же я не считаю себя большим лентяем!

Дело в том, что в эти годы я еще работал как журналист и делал много других вещей. Например, я писал статьи для газет и журналов, занимался школьными проблемами, играл со своей дочкой, слушал музыку, ходил гулять, думал. А думать – это тоже полезное дело. Может быть, даже самое полезное из всех других. По-моему, каждый человек должен полчаса в день думать. Это можно делать всюду – сидя за столом, гуляя в лесу, в одиночестве или в компании.

Я стал писателем почти случайно. Мне хотелось быть скрипачом, и я несколько лет учился играть на скрипке. Но с 1943 года больше не прикасаюсь к ней. Скрипка так и лежит у меня с тех пор. Я все время собираюсь добавить струны, которых не хватает, поправить сломанный гриф, купить новый смычок вместо старого, совсем растрепавшегося, и

снова начать упражнения с первой позиции. Может быть, я это когда-нибудь сделаю, но пока у меня нет времени. Мне хотелось бы еще быть художником. Правда, в школе у меня всегда были плохие отметки по рисованию, и все же водить карандашом и писать маслом я всегда очень любил. К сожалению, в школе нас заставляли делать такие нудные вещи, что они могли вывести из терпения даже корову. Словом, как все ребята, я мечтал очень о многом, но многого потом не сделал, а сделал то, о чем меньше всего думал.

Однако, сам того не подозревая, я долго готовился к своей писательской деятельности. Например, я стал школьным учителем. Не думаю, что я был очень хорошим учителем: я был слишком молод, и мои мысли витали очень далеко от школьных парт. Возможно, я был веселым учителем. Я рассказывал ребятам разные смешные истории – истории без всякого смысла, и чем абсурднее они были, тем больше дети смеялись. Это уже кое-что значило. В школах, которые я знаю, по-моему, мало смеются. Много, что можно было бы выучить смеясь, учат со слезами – горькими и бесполезными.

Но не будем отвлекаться. Так или иначе, я должен рассказать вам об этой книге. Я надеюсь, что она будет веселой, как игрушка. Кстати, вот еще одно занятие, которому я хотел бы себя посвятить: делать игрушки. Мне всегда хотелось, чтобы игрушки были неожиданными, с выдумкой, чтобы они годились каждому. Такие игрушки долго живут

и никогда не надоедают. Не умея работать ни с деревом, ни с металлом, я попытался делать игрушки из слов. Игрушки, по-моему, так же важны, как книги: если бы это было не так, ребята не любили бы их. А раз они их любят, значит, игрушки учат их чему-то такому, чему иначе научиться нельзя.

Я хотел бы, чтобы игрушки служили и взрослым, и детям, чтобы в них можно было играть всей семьей, всем классом, вместе с учителем. Я хотел бы, чтобы и мои книги были такими же. И эта – тоже. Она должна помочь родителям сблизиться со своими детьми, чтобы с нею можно было бы вместе посмеяться, поспорить. Я доволен, когда какой-нибудь мальчик охотно слушает мои истории. Еще больше радуюсь я, когда эта история вызывает у него желание говорить, высказывать свое мнение, задавать взрослым вопросы, требовать, чтобы они отвечали.

Моя книга выходит в Советском Союзе. Я очень доволен этим, потому что советские ребята – отличные читатели. Я встречал много советских ребят в библиотеках, в школах, во Дворцах пионеров, в Домах культуры – повсюду, где бывал. А теперь я вам скажу, где я бывал: в Москве, Ленинграде, Риге, Алма-Ате, Симферополе, Артеке, Ялте, Севастополе, Краснодаре, Нальчике. В Артеке я познакомился с ребятами с Крайнего Севера и Дальнего Востока. Все они были великолепные пожиратели книг. Как это здорово знать, что книга, какая бы она ни была – толстая или тонкая,

– печатается не для того, чтобы лежать где-то в пыли на витрине или в шкафу, а для того, чтобы ее с отличным аппетитом проглотили, съели, переварили сотни тысяч ребят.

Поэтому благодарю всех тех, кто подготовил эту книгу, и тех, кто, так сказать, будет ее есть. Надеюсь, что она придется вам по вкусу.

Приятного аппетита!

Джасани Родари 1969

Жил-был однажды... синьор Бьянки. Жил он в городе Варезе и был служащим одной торговой фирмы, которая продавала лекарства. Работа у него была очень беспокойная. Каждую неделю шесть дней из семи он колесил по всей Италии. Он ездил на запад и на восток, на юг и на север, и опять туда же – и так включая субботу. Воскресенье он проводил дома, вместе с дочуркой, а в понедельник, едва поднималось солнце, снова отправлялся в путь. Дочка провожала его и всегда напоминала:

– Слышишь, папа, сегодня вечером я опять жду новую сказку!

Надо вам сказать, что девочка эта не могла уснуть, пока ей не расскажут сказку. Мама уже по три раза перерассказала ей все, что знала: и были, и небылицы, и просто сказки. А ей все мало! Пришлось и отцу взяться за это ремесло. Где бы ни находился он, в каком бы местечке Италии ни оказался, он каждый вечер ровно в девять часов звонил домой и рассказывал по телефону новую сказку. Он их сам придумывал и сам рассказывал. В этой книге как раз и собраны все эти «сказки по телефону», и вы можете прочитать их. Они, как вы заметите, не очень длинные. Ведь синьору Бьянки приходилось платить за телефонный разговор из своего кармана, и, сами понимаете, он не мог разговаривать слишком дол-

го. Только иногда, когда дела у него шли хорошо, он позволял себе поговорить подольше. Конечно, если сказка этого заслуживала.

Скажу вам по секрету: когда синьор Бьянки вызывал Варезе, даже телефонистки приостанавливали работу и с удовольствием слушали его сказки. Еще бы – некоторые из них мне и самому нравятся!

Незадачливый охотник

– Возьми-ка, Джузеппе, ружье, – сказала однажды мать своему сыну, – и сходи на охоту. Завтра твоя сестра выходит замуж, и надо бы приготовить праздничный обед. Очень хороша была бы для этого зайчатина.

Джузеппе взял ружье и отправился на охоту. Только вышел на дорогу, видит – бежит заяц. Выскочил косой из-под забора и пустился в поле. Вскинул Джузеппе ружье, прицелился и нажал на курок. А ружье и не подумало стрелять!

– Пум! – сказал оно вдруг звонким и веселым голосом и выбросило пулю на землю.

Джузеппе так и замер от удивления. Подобрал пулю, повертел ее в руках – пуля как пуля! Потом осмотрел ружье – ружье как ружье! И все-таки оно не выстрелило, как все нормальные ружья, а звонко и весело произнесло «Пум!». Джузеппе даже в дуло заглянул, да только разве может там кто-нибудь спрятаться?! Никого там, конечно, не оказалось.

«Что же делать? Мама ждет, что я принесу с охоты зайца. У сестры свадьба, нужно приготовить праздничный обед...»

Едва Джузеппе успел подумать это, как вдруг снова увидел зайца. Только оказалось, это зайчиха, потому что на голове у нее была свадебная фата с цветами и шла она скромно потупившись, мелко перебирая лапками.

Вот так раз! – удивился Джузеппе. – Зайчиха тоже выхо-

дит замуж! Придется мне, видимо, поискать фазана.

И он пошел дальше в лес. Двух шагов сделать не успел, как увидел фазана. Идет он себе по тропинке, нисколько никого не опасаясь, как в первый день охоты, когда фазаны еще не знают, что такое ружье.

Джузеппе прицелился, нажал на курок... И ружье снова сказало человеческим голосом:

– Пам! Пам! – совсем как мальчуган, когда играет со своим деревянным ружьем. А пуля опять выпала из дула на землю, прямо на кучу красных муравьев. Перепугались муравьи и кинулись прятаться под сосну.

– Хорошенькое дельце! – рассердился Джузеппе. – Так я вернусь домой с пустыми руками!

А фазан, услышав, как весело разговаривает ружье, бросился в заросли и вывел оттуда своих фазанят. Идут они цепочкой друг за другом, рады-радешеньки, что отправились на прогулку. А следом за ними и мама-фазаниха шествует – важная и довольная, будто первую премию получила.

– Еще бы, – проворчал Джузеппе. – Как ей не быть довольной! Ведь она уже замужем. А мне как быть – на кого теперь охотиться?!

Он снова старательно зарядил ружье и осмотрелся по сторонам. Кругом ни души. Только дрозд сидит на ветке. Сидит и посвистывает, словно подзадоривает: «Ну-ка, подстрели меня! Попробуй!»

Ну Джузеппе и выстрелил. Только ружье и в этот раз не

послушалось его.

– Бах! – сказало оно, совсем как ребята, когда играют в разбойников, и даже еще хихикнуло тихонько. Дрозд засвистел еще веселее, словно говоря: «Обманули дурака на четыре кулака!»

– Так я и знал! – вздохнул Джузеппе. – Видно, сегодня ружье устроило забастовку.

– Ну, как ты поохотился? – спросила мать, когда Джузеппе вернулся домой.

– Хорошо поохотился, – ответил он. – Три веселенькие насмешки принес. Не знаю только, подойдут ли они к праздничному столу.

Дворец из мороженого

Однажды в Болонье на самой главной площади построили дворец из мороженого. И ребята сбегались сюда со всех концов города, чтобы полакомиться хоть немножко.

Крыша дворца была из взбитых сливок, дым, что поднимался над трубами, из фигурного сахара, а сами трубы – из цукатов. Все остальное было из мороженого: двери из мороженого, стены из мороженого, мебель из мороженого.

Один совсем маленький мальчик ухватился за ножку стола и стал уплетать ее. Потом он съел вторую ножку, третью, а когда расправился и с четвертой, то весь стол со всеми тарелками – а они были из самого лучшего, шоколадного мороженого – упал прямо на него...

А городской стражник заметил вдруг, что во дворце подтаивает одно окно. Стекла его – из земляничного мороженого – розовыми ручейками стекали вниз.

– Бегите сюда! Быстрее бегите сюда! – позвал стражник ребят.

Все прибежали и стали лизать розовые ручейки – чтобы ни одна капля не пропала из этого поистине чудесного сооружения.

– Кресло! Дайте мне кресло! – взмолилась вдруг какая-то старушка, которая тоже пришла на площадь, но не могла протиснуться в толпе. – Дайте кресло бедной старушке! По-

могите мне! Кресло, и, если можно, с ручками!...

Один очень отзывчивый пожарный сбегал во дворец и принес кресло из крем-брюле, и бедная старушка ужасно обрадовалась и принялась прежде всего облизывать ручки кресла.

Да, это был большой день в Болонье. Настоящий праздник! По приказу докторов ни у кого не болели животики.

И до сих пор, когда ребята просят купить вторую порцию мороженого, родители вздыхают:

– Ах, дружок, тебе надо купить, наверное, целый дворец из мороженого, вроде того, что был в Болонье, вот тогда ты, может быть, будешь доволен!

Как гулял один рассеянный

– Мама, я пойду гулять? – Иди, Джованни. Только будь осторожен, когда станешь переходить улицу.

– Ладно, мама. Пока!

– Ты всегда такой рассеянный...

– Да, мама. Пока!

И Джованни весело выбежал из дома. Поначалу он был очень внимателен. То и дело останавливался и ощупывал себя:

– Все на месте? Ничего не потерял? – и сам же смеялся.

Он был так доволен своей внимательностью, что даже запрыгал от радости, как воробушек. А потом загляделся на витрины, на машины, на облака, и, понятное дело, начались неприятности.

Какой-то очень вежливый синьор мягко упрекнул его:

– Какой же ты рассеянный, мальчик! Смотри, ты ведь потерял пальцы!

– Ой, и верно! Какой же я рассеянный!

И Джованни стал искать свои пальцы. Но нашел только какую-то пустую банку. Пустую? Посмотрим-ка! А что в ней было, в этой банке, раньше? Не всегда же она была пустая...

И Джованни уже забыл, что ему надо отыскать свои пальцы. А потом он забыл и про банку, потому что увидел вдруг хромую собаку. Он кинулся за ней, но не успел и до угла до-

бежать, как потерял руку. Потерял и даже не заметил. Бежит себе дальше как ни в чем не бывало.

Какая-то добрая женщина крикнула ему вслед:

– Джованни, Джованни! Руку потерял! Куда там! Он даже не услышал!

– Ну ничего, – решила добрая женщина. – Отнесу руку его маме. – И она пошла к Джованни домой.

– Синьора, вот тут у меня рука вашего сына!

– Вот растеряха! Просто не знаю, что с ним делать! Такой рассеянный! Такой рассеянный, что дальше некуда!

– Да, конечно, только все дети такие.

Спустя немного пришла другая добрая женщина:

– Синьора, я нашла тут чью-то ногу. Не вашего ли Джованни она?

– Ну конечно, это его нога! Узнала по дырявому ботинку! Ах, какой же у меня рассеянный сын уродился! Просто не знаю, что с ним делать!

– Да, конечно, с ребятами всегда так.

Прошло еще немного времени, и один за другим в дом Джованни потянулись разные люди – какая-то старушка, рассыльный булочника, вагоновожатый и даже старая учительница-пенсионерка. И все приносили какой-нибудь кусочек Джованни: кто ногу, кто ухо, кто нос.

– Ну где вы найдете еще такого рассеянного мальчишку, как мой сын! – воскликнула мать.

– И чего вы удивляетесь, синьора! Все дети такие!

Наконец появился домой и сам Джованни, прыгая на одной ноге, без рук, без ушей, но как всегда веселый, живой и резвый, словно воробушек.

И мама только головой покачала. Потом привела его в порядок и поцеловала.

– Все на месте, мама? Ничего не потерял? Видишь, какой я молодец!

– Да, да! Уж такой молодец, что дальше некуда!

Женщина, которая считала «апчхи!»

В Гавирате жила одна женщина, которая целыми днями только и делала, что считала, кто сколько раз чихнет, а потом рассказывала об этом своим приятельницам, и они вместе долго судачили про эти «апчхи!»

– Аптекарь чихнул семь раз! – рассказывала женщина.

– Не может быть!

– Клянусь вам! И пусть у меня отвалится нос, если я говорю неправду! Он чихнул все семь раз ровно за пять минут до того, как пробило полдень!

Они долго обсуждали это событие и наконец пришли к выводу, что аптекарь подливает воду в касторку.

– А священник чихнул четырнадцать раз! – продолжала рассказывать женщина, вся красная от волнения.

– Ты не ошиблась?

– Пусть у меня отвалится нос, если он чихнул хоть одним разом меньше!

– Боже, что станет с миром, если и дальше так пойдет!

Они снова долго судачили и пришли к выводу, что священник слишком много наливает масла себе в салат.

Однажды эта женщина и ее приятельницы (а их было больше, чем дней в неделе) спрятались под окнами синьора Делио, чтобы пошпионить за ним. Но синьор Делио и не думал чихать – он не нюхал табака и не был простужен.

– Ни разу не чихнул! – огорчилась женщина, которая считала «апчхи!». – Должно быть, тут-то и зарыта собака!

– Конечно! – поддержали ее приятельницы.

Синьор Делио услышал их разговор. Он взял молотого перца, насыпал его в пульверизатор и незаметно обсыпал сверху сплетниц, что притаились у него под окном.

– Апчхи! – чихнула женщина, которая считала «апчхи!».

– Апчхи! Апчхи! – стали чихать ее приятельницы и никак не могли остановиться.

– Я чихнула больше, чем вы! – заявила вдруг женщина, которая считала «апчхи!».

– Нет, мы чихнули больше! – закричали приятельницы.

Тут женщины вцепились друг другу в волосы и давай колошматить одна другую. Платья на них порвались, и у каждой оказалось по выбитому зубу.

С тех пор женщина, которая считала «апчхи!», перестала разговаривать со своими приятельницами. Она купила себе записную книжку с карандашом и стала ходить одна-одинешенька. Каждое «апчхи!» она отмечала в записной книжке плюсиком.

Когда она умерла и люди нашли ее записную книжку, заполненную плюсиками, они удивились:

– Смотрите, должно быть, она отмечала этими плюсиками все свои добрые дела! Как же много добра она сделала людям! Уж если она не попадет в рай, то нас туда и подавно не пустят!

Страна, где нет ничего острого

Джованнино-Бездельник очень любил путешествовать. Путешествовал он, путешествовал и оказался в удивительной стране, где дома строили без углов – они были круглые. И крыши тоже ставили не углом, а плавно закругляли. Вдоль дороги, по которой шел Джованнино, тянулась живая изгородь из кустов роз, и ему, конечно, захотелось вдеть одну розу в петлицу своей курточки. Он собирался осторожно, чтобы не уколоться о шипы, сорвать цветок, как вдруг заметил, что шипы нисколько не колются, – они, оказывается, вовсе не острые и только слегка щекочат руку.

– Чудеса, да и только! – удивился Джованнино.

В ту же минуту из-за куста с розами появился городской стражник, и, очень вежливо улыбаясь, спросил его:

– Вы, должно быть, не знаете, что нельзя рвать розы?

– Мне очень жаль... Я не подумал...

– Тогда вам придется заплатить только половину штрафа, – сказал стражник все с той же приветливой улыбкой и стал выписывать квитанцию. Джованнино заметил, что карандаш у него был не заточен – совсем тупой, и спросил стражника:

– Простите, а можно взглянуть на вашу саблю?

– Пожалуйста, – ответил тот и протянул Джованнино свою саблю. Она тоже оказалась не острой, а тупой.

– Так, что же это за страна такая? – удивился Джованнинно. – Куда я попал? Здесь все так странно!

– Это страна, где нет ничего острого, – объяснил стражник, и так вежливо, что все его слова надо было бы писать только с заглавной буквы.

– А как же гвозди! – удивился Джованнинно. – Они ведь должны быть острыми!

– Мы давно уже обходимся без них. Ведь есть клей! А теперь, будьте добры, дайте мне две пощечины,

От изумления Джованнинно широко открыл рот, будто собирался проглотить сразу целый торт.

– Что вы! – воскликнул он наконец. – Я вовсе не хочу оказаться в тюрьме за оскорбление городского стражника. Уж если на то пошло, так это я должен получить две пощечины, а не вы.

– Но у нас так принято, – любезно объяснил стражник, – полный штраф – это четыре пощечины, а половина штрафа – две.

– Две пощечины – стражнику?

– Стражнику.

– Но это ужасно несправедливо! Так нельзя!

– Конечно, несправедливо! Конечно, так нельзя! – ответил стражник. – Это настолько несправедливо и ужасно, что люди, чтобы не давать пощечин ни в чем не повинным стражникам, просто не делают ничего такого, что запрещается законом и за что нужно брать штраф. Ну, так я жду –

дайте мне две пощечины! И в другой раз, синьор путешественник, вы, конечно, будете осторожнее, не так ли?

– Но я не хотел бы даже ущипнуть вас за щеку, не то что ударить!

– В таком случае я вынужден проводить вас до границы и предложить покинуть нашу страну!

И Джованнино, ужасно пристыженный, вынужден был покинуть страну, где нет ничего острого. Однако он до сих пор все еще мечтает вернуться туда, чтобы жить по самым вежливым законам на свете, среди самых воспитанных людей, в домике, где нет ничего острого.

Страна, где все слова начинаются с «не»

Да, Джованнино-Бездельник был заядлым путешественником. Путешествовал он, путешествовал и оказался еще в одной удивительной стране. Здесь все слова начинались с частицы «НЕ».

– Что же это за страна такая? – спросил он у одного горожанина, что отдыхал в тени под деревом.

Горожанин вместо ответа достал из кармана перочинный нож и протянул его на ладони Джованнино,

– Видишь?

– Вижу. Ножик.

– Ничего подобного! Это неножик, то есть ножик, у которого впереди «не». Он служит для того, чтобы огрызки карандашей превращать в новые карандаши. Очень полезная вещь для школьников.

– Великолепно! – удивился Джованнино, – А еще что?

– А еще у нас есть невешалка.

– То есть вы хотите сказать – вешалка?

– Нет, именно то, что я и сказал, – невешалка. От вешалки мало проку, если на нее нечего вешать. А вот с нашей невешалкой совсем другое дело. На нее ничего вешать не надо, на нее уже все повешено. Нужно тебе пальто, иди и сними

его! А если кому-нибудь нужен пиджак, то незачем ходить в магазин и покупать его. Надо только подойти к невешалке и снять его. У нас есть невешалки летние и невешалки зимние, невешалки для мужчин и отдельно – для женщин. Это берегает нам деньги.

– Прекрасно! А еще что?

– Еще у нас есть нефотоаппарат, который, вместо того чтобы делать обычные снимки, делает карикатуры, и людям становится весело. Еще у нас есть непушка.

– Уфф! Как страшно!

– Ничуть! Непушка – это совсем не то, что пушка. Она служит для того, чтобы прекращать войну.

– А как же она действует?

– Очень просто! Даже ребенок может управлять ею. Если вдруг начинается война, мы сразу же трубим в нетрубу, стреляем из непушки, и война тотчас же прекращается.

Какая прелесть эта страна, где все слова начинаются с «НЕ»!

Страна, где все люди сделаны из масла

Однажды Джованнино-Бездельник, великий путешественник и землепроходец, оказался в стране, где все люди сделаны из масла. На солнце они таяли, и поэтому им приходилось все время укрываться в тени и прятаться в прохладе. И жили они в городе, где вместо домов повсюду стояли огромные холодильники. Джованнино ходил по улицам этого странного города и видел, как жители сидят у окон своих домов-холодильников, положив на голову пузырь со льдом. На двери каждого холодильника висел телефон, чтобы можно было разговаривать с его обитателями.

– Алло! – сказал Джованнино, сняв трубку у одного из холодильников.

– Алло! – ответили ему.

– Кто говорит? – спросил Джованнино.

– Король страны, Т-де все люди сделаны из масла. А я сбит из сливок высшего сорта, снятых с молока лучших швейцарских коров. Вы обратили внимание на мой холодильник?

– Нет, а что? Ах вот в чем дело! Он же из чистого золота!... А вы что, так никогда и не выходите из него?

– Отчего же, иногда выхожу. Зимой. В сильный мороз. И катаюсь в ледяном автомобиле.

– А если, пока ваше величество гуляет, выглянет солнце?... Что тогда?

– Не может оно выглянуть! Это запрещено! Я бы тотчас же приказал моим солдатам посадить его в тюрьму!

– Как бы не так! – рассердился Джованнино, бросил трубку и отправился, путешествовать в другую страну.

Про Алису, с которой всегда что-нибудь случалось

А эта сказка про Алису, которая вечно куда-нибудь пропадала. Ищет, к примеру, ее дедушка, чтобы пойти с ней в сад погулять:

– Алиса! Где ты, Алиса?!

– Я здесь, дедушка!

– Да где здесь-то?

– В будильнике!

Ну да, она правду сказала. А случилось вот что. Открыла Алиса окошечко, что на задней стенке будильника, – уж очень захотелось заглянуть туда, – глазом моргнуть не успела, как тут же оказалась внутри, прямо в механизме, среди пружинок и зубчатых колесиков. А они ведь движутся, не стоят на месте. Пришлось и Алисе все время прыгать с зубца на зубец, чтобы не пропасть, не погибнуть под колесиками, которые, не умолкая ни на секунду, приговаривали: «Тик-так! Тик-так! Тик-так!»

А в другой раз дедушка искал Алису, чтобы накормить завтраком:

– Алиса! Где ты, Алиса?

– Я здесь, дедушка.

– Да где здесь-то?

– Ой, ну совсем рядом! В бутылке!

– Как же ты туда попала?

– Мне захотелось пить, и я только заглянула, в горлышко...

Ну конечно, она оказалась в бутылке! И теперь барахталась там, чтобы не утонуть. Хорошо еще, что летом, когда ее возили в Сперлонгу, она научилась плавать по-собачьи.

– Ну потерпи немного. Сейчас я тебя вытащу, – сказал дедушка.

Он затолкал в бутылку веревочку. Алиса ухватилась за нее, ловко подтянулась и вылезла наружу. Вот когда она поняла, как хорошо, что занималась гимнастикой.

А однажды Алиса совсем пропала. Искал ее дедушка, искала ее бабушка, искала соседка, которая всегда приходила читать дедушке газету, чтобы не покупать ее и сэкономить на этом сорок лир.

– Боже! Вот беда-то какая! – шептала перепуганная бабушка.

– Что-то скажут ее родители, когда вернутся с работы!

– Алиса! Алиса! Где ты, Алиса?

Только на этот раз девочка не откликнулась. Потому что она не могла откликнуться. Путешествуя по кухне и заглядывая всюду, куда только можно было сунуть свой любопытный нос, она попала в ящик, где всёгда лежали скатерти и салфетки. Попала туда, да и заснула там, как на мягкой постели. Кто-то задвинул ящик, не заметив Алису. И в самом

деле, кому может прийти в голову, что она там.

Когда же Алиса проснулась, то оказалась в полной темноте. Но она нисколько не испугалась. Однажды ей уже довелось побывать в таком же положении – когда она попала в водопроводный кран. Вот там действительно было темно, пожалуй, еще темнее, чем в ящике.

«Скоро, наверное, будут накрывать на стол к ужину, – подумала Алиса. – Тогда и откроют ящик, чтобы достать скатерть». Но разве кто-нибудь мог думать об ужине, когда Алиса пропала? Конечно, всем было не до ужина. Родители девочки пришли с работы и очень рассердились на бабушку и дедушку:

– Хорошо же вы смотрите за ребенком!

– Но наши дети не забирались в водопроводные краны, – возразили дедушка и бабушка. – В наше вр^я дети иногда только падали с кровати, и если получали при этом лишнюю шишку, то это было не так уж страшно.

Наконец Алисе надоело ждать, пока кто-нибудь догадается открыть ящик. Она разрыла скатерти и салфетки, добралась до дна ящика и стала сильно топтать ногами:

– Топ! Топ! Топ!

– Тише! – сказал папа. – По-моему, где-то стучат.

– Топ! Топ! Топ! – продолжала топтать Алиса.

Как же все ее обнимали и целовали, когда нашли наконец! И Алиса не растерялась – она воспользовалась случаем и тут же оказалась в кармане папиного пиджака. А когда ее выта-

щили и оттуда, то увидели, что она успела перепачкаться в чернильной пасте, потому что уже наигралась с папиной шариковой ручкой.

Шоколадная дорога

Жили в Барлетте три маленьких мальчика – трое братишек. Гуляли они как-то за городом и увидели вдруг какую-то странную дорогу – ровную, гладкую и всю коричневую.

– Из чего, интересно, сделана эта дорога? – удивился старший брат.

– Не знаю из чего, но только не из досок, – заметил средний брат.

– И на асфальт не похоже, – добавил младший брат.

Гадали они, гадали, а потом опустились на коленки да и лизнули дорогу языком.

А дорога-то, оказывается, вся была выложена плитками шоколада. Ну братья, разумеется, не растерялись – принялись лакомиться. Кусочек за кусочком – не заметили, как и вечер наступил. А они все уплетают шоколад. Так и съели всю дорогу! Ни кусочка от нее не осталось. Как будто и не было вовсе ни дороги, ни шоколада!

– Где же мы теперь? – удивился старший брат.

– Не знаю где, но только это не Бари! – ответил средний брат.

– И конечно, мы не в Моlette, – добавил младший брат.

Растерялись братья – не знают, что и делать. По счастью, вышел тут им навстречу крестьянин, возвращавшийся с поля со своей тележкой.

– Давайте отвезу вас домой, – предложил он. И отвез братьев в Барлетту, прямо к самому дому.

Стали братья вылезать из тележки и вдруг увидели, что она вся сделана из печенья. Обрадовались они и, недолго думая, принялись уплетать ее за обе щеки. Ничего не осталось от тележки – ни колес, ни оглобель. Все съели.

Вот как повезло однажды трем маленьким братьям из Барлетты. Никогда еще никому так не везло, и кто знает, повезет ли еще когда-нибудь.

Как придумывают числа

Давайте придумывать числа?!

– Давайте! Чур, я первый! Почти-один, почти-два, почти-три, почти-четыре, почти-пять, почти-шесть...

– Это слишком маленькие числа. Послушай мои. Один сверхмиллион биллионов! Одна восьмица мил-лионищ! Один удиви-удивятище и один изумилище!

– Подумаешь! А я могу целую таблицу умножения придумать! Вот смотри!

Трижды один – Паолина и Мартин!

Трижды два – вкусная халва!

Трижды три – нос скорей утри!

Трижды четыре – шоколад, вкуснейший в мире!

Трижды пять – ошибся опять!

Трижды шесть – я хочу есть!

Трижды семь – никогда суп не ем!

Трижды восемь – милости просим!

Трижды девять – мир слезам не верит!

Трижды десять – ничего не весят!

– Скажи-ка быстро, сколько стоит эта коврижка?

– Дважды «надеру-уши»!

– А сколько отсюда до Милана?

– Тысяча километров новых, один километр совсем уже старый и семь шоколадок!

– Сколько весит слеза?

– А это по-разному. Слеза капризного мальчика весит меньше ветра. Слеза голодного мальчика – тяжелее всей Земли!

– Очень длинная получилась сказка?

– Слишком!

– Давай напоследок придумаем еще несколько чисел. Знаешь, как считают в Модене? Раз-и-раз, двас-и-двас, трижды-трижки, четыре коврижки и пяток кочерыжек.

– А я посчитаю, как в Риме. Разик, двазик, третий тазик, а дальше считай как знаешь...

Бриф! Бруф! Браф!

Двое ребяташек мирно играли у себя во дворе. Они придумывали особый язык, чтобы можно было разговаривать только друг с другом и чтоб никто больше не понимал их.

– Бриф, бруф! – сказал первый мальчик.

– Бруф, браф! – ответил другой. И они весело рассмеялись.

На балконе второго этажа сидел старый добрый синьор и читал газету. А в окно напротив него выглядывала старая синьора – синьора так себе: ни плохая, ни хорошая.

– Какие глупые эти ребята! – сказала синьора. Но синьор не согласился с нею.

– Я этого не нахожу, – возразил он.

– Не станете же вы утверждать, будто поняли, что они говорят?! – спросила синьора.

– Отлично понял! Первый мальчик сказал: «Какой сегодня чудесный день!» А другой ответил: «Завтра будет еще лучше!»

Синьора поморщилась, но промолчала, потому что в это время ребята снова заговорили на своем языке.

– Мараски, барабаски, пимпиримоски! – сказал первый мальчик.

– Бруф! – ответил другой. И они снова стали смеяться.

– Неужели и на этот раз вы будете уверять, что поняли

их? – рассердилась старая синьора.

– Конечно! – ответил, улыбаясь, старый добрый синьор. – Первый сказал: «Как хорошо, что мы живем на земле!» А второй ответил: «Мир так чудесен!»

– Неужели он и в самом деле так чудесен?! – удивилась старая синьора.

– Бриф! Бруф! Браф! – ответил ей старый синьор.

Как один человек купил город Стокгольм

Кто угодно бывает на базаре в Гавирате. И уж конечно, попадаются там и такие пройдохи, которые торгуют где придется и чем попало.

А однажды в базарный день появился на рынке человек, который продавал какие-то уж совсем необычные вещи: гору Монблан, что в Альпах, Индийский океан, Лунные моря... Язык у этого человека был так хорошо подвешен, что через час у него остался только один город – Стокгольм.

Город этот купил парикмахер. Вместо платы он побрил торговца и освежил одеколоном. А затем повесил на самом видном месте между зеркалами большое удостоверение о том, что он является владельцем города Стокгольма. Парикмахер с гордостью показывал этот документ всем своим клиентам и с удовольствием отвечал на их расспросы:

– Это город в Швеции, и не просто какой-нибудь захудалый городишко, а столица! Там живет около миллиона человек! И все они, разумеется, принадлежат мне. Там есть еще море, понятно, но я пока незнаком с его владельцем...

Мало-помалу парикмахер скопил денег на дорогу и спустя год отправился в Швецию – надо же наконец посмотреть на свои владения.

Стокгольм очень понравился ему. Он нашел, что это прекрасный город, а шведы – милейший народ. Только вот беда: шведы ни слова не понимали из того, что он говорил им, и он тоже ни полслова не понимал из того, что они отвечали ему.

– Знаете ли вы, кто хозяин вашего города? Вам сообщили, что хозяин его я?

Шведы улыбались и кивали головами, как бы отвечая – да. Ведь они не понимали, что он говорит, но были людьми вежливыми и воспитанными. Бесконечно довольный, парикмахер потирал руки:

– Такой город! Подумать только, как дешево я заплатил за него – всего-навсего стрижкой с одеколоном отделался!

И все же он ошибался, этот парикмахер. Он слишком много заплатил за него – переплатил! Ему невдомек было, что каждому ребенку, который появляется на свет, принадлежит весь мир, и ему ничего не надо платить за него – ни единого сольдо! Ему нужно только засучить рукава, хорошо поработать, и все на земле окажется в его руках.

Как Джованнино потрогал короля за нос

Однажды Джованнино-Бездельник решил побывать в Риме, чтобы потрогать короля за нос. Друзья отговаривали его:

– Смотри, опасное это дело!

Рассердится король – и расстанешься ты со своим собственным носом, а заодно и с головой!

Но Джованнино был упрямым человеком. Собираясь в путь, он решил для практики потрогать за нос священника, мэра и фельдфебеля. Он сделал это так ловко и осторожно, что те даже ничего не заметили.

– Не так уж это и трудно! – решил Джованнино и отправился в путь.

Приехал он в соседний город, узнал, где живут мэр и судья, явился к ним с визитом и всех по очереди тоже потрогал за нос – кого одним пальцем, а кого и двумя. Важным господам это не очень понравилось, – ведь он поначалу казался вполне воспитанным человеком и умел разговаривать почти про все что угодно. Мэр посердился про себя немного, а потом все-таки спросил:

– Зачем вы трогаете меня за нос?

– Что вы, господин мэр! – воскликнул Джованнино. – Вам, наверное, показалось. Это была муха!

Мэр посмотрел по сторонам и не увидел ни мухи, ни комара, но Джованнино уже успел откланяться и удалиться, не забыв затворить за собой дверь.

У Джованнино была тетрадка. Он вел в ней счет всем носам, которые ему удалось потрогать. Все это были очень важные носы. В Риме, однако, число носов росло так быстро, что Джованнино пришлось купить тетрадку потолще. Стоило пройти немного по любой улице, как непременно встречались ему пара каких-нибудь сиятельств, несколько бывших министров и десятков-другой генералов. О разных там председателях и говорить нечего – в Риме их было больше, чем нищих.

И все эти сиятельные носы были прямо под руками. Когда Джованнино трогал их, все они принимали этот жест за знак уважения к ним. А один крупный начальник даже порекомендовал своим подчиненным узаконить новый обычай, советуя поступать так же.

– Отныне и впредь вместо поклона можете трогать меня за нос! – заявил он. – Это более современная и более утонченная манера.

Вначале подчиненные с опаской протягивали руки к носам своих начальников. Но те подбадривали их, широко улыбаясь. И тогда началось – все стали трогать, щупать, щипать и дергать за нос своих начальников. Высокопоставленные носы стали красными и заблестели от удовольствия.

Джованнино не забыл, однако, ради чего он приехал в

Рим, – ему надо было потрогать за нос короля. И он ждал удобного случая. Случай этот представился в день королевского выезда. Джованнино заметил, что время от времени кто-нибудь выбегал из толпы, вскакивал на подножку королевской кареты и вручал королю пакет, конечно, с каким-нибудь прошением. Король, улыбаясь, передавал пакет первому министру.

Когда карета оказалась рядом с Джованнино, он тоже вскочил на подножку и, пока король благосклонно улыбался ему, сказал:

– С вашего позволения! – протянул руку и указательным пальцем потер королю кончик носа.

Король тотчас же и сам с изумлением потрогал свой нос, открыл было рот, чтобы что-то приказать, но Джованнино уже спрыгнул с подножки и скрылся в толпе. Кругом раздались шумные аплодисменты, и тотчас же все с восторгом поспешили последовать примеру Джованнино: один за другим люди взбирались на подножку кареты, хватали короля за нос и как следует дергали его.

– Не беспокойтесь, ваше величество! Это новый знак внимания! – шепнул на ухо королю первый министр и натянуто улыбнулся.

Но королю было уже совсем не до улыбок: нос у него распух и заболел, начался насморк. Он не успевал даже прикладывать платок, потому что его верные подданные не давали ему не минуты покоя и, смеясь, продолжали весело дергать

короля за нос.

Словом, король уже мечтал только об одном – как бы остаться с носом!

А Джованнино предовольный вернулся в родное село.

Карусель в Чезенатико

Однажды в Чезенатико появилась на берегу моря карусель – шесть деревянных лошадок и столько же красных, довольно облезлых автомобилей – для ребят с более современным вкусом. Невысокий человек вручную раскручивал карусель. Он был маленький, хмурый, худой и лицом походил на тех людей, которые день едят, а два нет. Словом, это была не бог весть какая карусель, но ребятам она, должно быть, казалась намазанной медом, потому что они так и тянулись к ней, упрашивая родителей покатасть их.

– Да что она, в самом деле намазана медом, что ли? – удивлялись мамы и предлагали ребятам: – Давайте пойдем посмотреть дельфинов в канале! Или сходим в кафе, где есть кресла-качалки!

Но где там! Ребятам подавай карусель, да и только!

Как-то вечером один старый синьор посадил своего внука в красный автомобиль, а сам тоже поднялся на карусель и сел на деревянную лошадку. Ему было неудобно сидеть на ней – ноги у него были длинные и волочились по земле, и синьор смеялся. Но едва карусель закружилась... Что за чудеса! Старый синьор в одно мгновение оказался выше самого высокого небоскреба в Чезенатико, и его лошадка поскакала по воздуху прямо к облакам. Синьор посмотрел вниз и увидел сразу всю Романью – провинцию, в которой он жил, –

затем всю Италию, а потом и все Землю, которая удалялась куда-то под цокот копыт его лошадки. Скоро она стала походить на маленькую голубую карусель, которая кружилась и кружилась, показывая один за другим свои материки и океаны, словно нарисованные на глобусе.

– Куда же мы едем? – удивился синьор, как вдруг увидел своего внука. Тот сидел за рулем красного, довольно облезлого автомобиля, который превратился теперь в космический корабль. Затем он рассмотрел и остальных ребят. Они спокойно и уверенно правили – кто рулем, а кто вожжами. И все мчались по своим орбитам, будто искусственные спутники.

А человек, который раскручивал карусель, был уже ух как далеко! Но снизу еще доносилась заигранная популярная песенка, под которую крутилась карусель.

«Тут, пожалуй, не без колдовства! – решил старый синьор. – Этот человек, наверное, волшебник! – И спустя немного еще подумал: – Если мы облетим вокруг Земли, пока звучит эта песенка, то, пожалуй, побьем рекорд Гагарина...»

В это время небесный караван пролетал над Тихим океаном со всеми его островками, а потом над Австралией со скачущими кенгуру, над Южным полюсом, где миллионы пингвинов стояли, задрав кверху головы. Сосчитать их не было времени, потому что на их месте уже появились американские индейцы, сигналившие дымом костров, а затем небо-

скребы Нью-Йорка, а потом еще один небоскреб – в Чезенатико. Музыка умолкла. Старый синьор изумленно оглянулся по сторонам: он снова сидел на выдавшей виды тихой карусели, в родном городе, на берегу Адриатического моря. Хмурый, худой человек медленно и осторожно – чтобы не было резких толчков – останавливал карусель. Старый синьор, пошатываясь, сошел на землю.

– Скажите... – обратился он к хмурому человеку. Но тому некогда было слушать его. Другие ребята уже уселись на лошадок, в машины, и карусель отправлялась в новое кругосветное путешествие.

– Скажите... – снова смущенно заговорил старый синьор. Хмурый человек даже не взглянул на него. Он раскручивал карусель. И вот уже замелькали веселые лица ребят, которые искали глазами своих пап и мам, стоявших у карусели и ободряюще улыбавшихся.

«Волшебник он или не волшебник, этот полунищий человек? А эта смешная машина, что крутится под звуки заигранной пластинки, волшебная карусель." Ладно, – решил старый синьор, – лучше я никому не буду говорить про это. Еще посмеются надо мной, скажут: „Разве вы не знаете, что в вашем возрасте опасно кататься на карусели – может закружиться голова?!“

На пляже в Остии

Неподалеку от Рима, на берегу моря, есть небольшой городок Остия. Летом римляне ездят туда купаться и загорать. Народу приезжает так много, что невозможно даже детской лопаткой копнуть песок. И тому, кто приходит на пляж позже всех, просто негде расположиться.

Как-то раз пришел на пляж один очень странный синьор, веселый и к тому же большой выдумщик. Он пришел позже всех и, конечно, не нашел места, чтобы поставить свой зонт от солнца. Тогда он раскрыл его, покрутил немного ручку, и вдруг зонтик сам собой поднялся в воздух, пролетел над тысячами других зонтов, что стояли на песке, и прилетел к самому берегу моря, но не опустился на землю – опуститься было некуда, – а повис в воздухе метрах в двух-трех над землей. Изобретательный синьор раскрыл свой шезлонг, и он тоже повис в воздухе. Синьор расположился в шезлонге в тени зонта, достал из кармана книжку и принялся читать, наслаждаясь соленым и целебным морским воздухом.

Сначала его даже не заметили. Все спокойно сидели под своими зонтами. Одни пытались разглядеть хотя бы краешек моря из-за торчащих впереди голов. Другие решали кроссворды, а третьи просто дремали. На небо никто и не смотрел. Вдруг что-то упало на зонт одной синьоры. Она подумала, что это мяч, и встала, чтобы отругать расшалившихся ребят.

Осмотрелась по сторонам, но не нашла озорников, взглянула наверх и увидела веселого синьора, висевшего в своем шезлонге прямо у нее над головой.

– Простите, у меня упала книжка. Бросьте мне ее, пожалуйста, сюда, будьте любезны! – сказал ей синьор.

Синьора так удивилась, что тут же упала как подкошенная. К ней подбежали родственники, помогли подняться. Синьора была такая толстая, что сама никак не могла встать. Она не в силах была даже слово вымолвить от испуга и только молча показывала пальцем на висящий в воздухе зонт.

– Будьте любезны, – повторил синьор как ни в чем не бывало, – бросьте мне сюда мою книжку.

– Разве вы не видите, что напугали нашу тетушку? – услышал он в ответ.

– Мне очень жаль, но я не хотел этого!

– И вообще спускайтесь оттуда! Висеть в воздухе запрещено!

– Ничего подобного! Я устроился тут, потому что на пляже нет места. Я ведь тоже заплатил деньги за вход!

Теперь веселого синьора увидели уже все отдохавшие на пляже, все стали показывать на него пальцем и громко смеяться.

– Смотрите-ка на него, – говорили люди, – у него там, наверное, зонтик с ракетным двигателем!

– Синьор Гагарин! – кричали другие. – А нас не прихватите к себе?!

Какой-то мальчик бросил синьору его книжку, и тот, найдя нужную страницу, снова принялся читать. Постепенно люди успокоились и перестали обращать на него внимание. Только ребята то и дело с любопытством посматривали на него, а самые смелые кричали:

– Синьор, а синьор!

– Ну, что вам?

– Научите и нас летать!

Но синьор фырчал в ответ что-то непонятное и снова принимался читать.

Вечером зонт с легким свистом тронулся с места и пролетел над всем пляжем. Изобретательный синьор приземлился на дороге прямо у своего мотоцикла, сел на него и уехал.

И никто так и не узнал, что это был за синьор и где ему удалось купить такой зонт.

Про мышонка из книжонки

Этот мышонок всю свою жизнь прожил в тоненькой дешевенькой книжонке – знаете, из тех, в которых рассказы в картинках. Надоело мышонку жить в этой книжке, и решил он поменять себе квартиру – найти другую, где бумага была бы получше на вкус и хотя бы пахла сыром. Собрал он все свои силенки и как прыгнет!... Так он оказался вдруг в настоящем мире, среди настоящих живых мышей.

– Скуаш! – сразу же испугался он, почуяв запах кошки.

– Что он сказал? – удивились мыши, пораженные столь непонятным языком.

– Сплум, бах, плюм! – сказал мышонок, который умел говорить только на том языке, на каком делались подписи к рисункам в его книжонке.

– Наверное, он иностранец! – заметила одна старая корабельная мышь, которая, прежде чем уйти на пенсию, служила на Средиземном море. И она попыталась заговорить с ним по-английски.

Но мышонок посмотрел на нее, ничего не понимая, и сказал:

– Циип, фниш, броик.

– Нет, это не англичанин, – заметила корабельная мышь.

– Тогда кто же?

– Пойди разбери кто!

Так и прозвали мышонка – Пойди-Разбери – и относились к нему как к деревенскому дурачку.

– Пойди-Разбери, – спрашивали его, – какой сыр тебе больше по душе – пармиджанский или пошехонский?

– Сплинг, грон, цицицаир, – отвечал мышонок из книжонки.

– Спокойной ночи! – смеялись мыши. А самые маленькие мышата вдобавок дергали его за хвост – им хотелось послушать, как он смешно будет сердиться:

– Цоонг, сплаш, скуарр!

Однажды мыши отправились на мельницу, где лежало много мешков с белой и желтой мукой. Мыши

2– Джанни Родари 33

прогрызли мешки и принялись уплетать муку. Только и слышно было, как они дружно щелкали зубами:

– Крик, крик, крик!

Впрочем, так делают все мыши на свете. Только мышонок из книжонки щелкал зубами совсем по-другому:

– Крек, скрен, скерекск.

– Научись хотя бы есть, как порядочные люди, – проворчала корабельная мышь. – Будь ты на корабле, тебя за это уже давно выбросили бы в море. Ты понимаешь хотя бы, что неприятно слушать твое чавканье?

– Кренг, – ответил мышонок из книжонки и снова забрался в мешок с мукой.

Корабельная мышь подала остальным мышам знак, и все

они тихо-тихо удалились, покинув «чужака» на произвол судьбы, уверенные, что он не найдет дорогу домой.

Мышонок как ни в чем не бывало продолжал лакомиться мукой. А когда заметил наконец, что остался один, было уже слишком темно, чтобы возвращаться домой. И он решил провести ночь на мельнице. Он уже и задремал было, как вдруг в темноте вспыхнули два желтых семафора и послышались осторожные шаги четвероногого охотника. Это был кот!

– Скуаш! – в ужасе воскликнул мышонок.

– Граграньяу! – ответил ему кот. Он, оказывается, тоже был из книжки! И настоящие коты прогнали его, потому что он не умел говорить «мяу» как полагается.

Изгнанники обнялись, поклялись в вечной дружбе и всю ночь провели в разговорах на своем странном книжном языке. Они прекрасно понимали друг друга!

История королевства Обжория

В далеком древнем королевстве Обжория, что лежит на восток от герцогства Пей-до-дна, первым королем был когда-то Обжорий Железный Желудок. Его прозвали так за то, что, уплетая макароны, он с хрустом сжевывал и тарелки, на которых они подавались, и отлично переваривал все это.

Его сменил на троне Обжорий Второй по прозвищу Три Ложки: потому что он ел суп сразу тремя серебряными ложками – две он держал сам, а третью ему подносила ко рту королева, и горе ей, если ложка была неполной.

Трон королевства Обжория возвышался во главе громадного стола, который с утра до ночи был уставлен кушаньями и завален всякой снедью. Понятно, что от королей отбоя не было. Один за другим на трои забирались:

Обжорий Третий, Любитель Закуски.

Обжорий Четвертый, Свинная Отбивная.

Обжорий Пятый, Вечно Голодный.

Обжорий Шестой, Фаршированный Индюк.

Обжорий Седьмой, Дай Добавку. Он был знаменит еще тем, что съел даже свою корону, а ведь она была из кованого железа.

Обжорий Восьмой, Сырная Крошка. Про него рассказывают, что, когда на столе уже не оставалось ни крошки, он съедал скатерть.

Обжорий Девятый, Стальная Челюсть. Он кончил тем, что съел трон со всеми подушками.

Так и окончилась династия королей Обжориев,

Как Алиса в море побывала

Однажды пошла Алиса купаться в море, и так оно ей понравилось, что ока ни за что не захотела выходить из воды.

– Алиса, хватит, вылезай! – кричала ей мама.

– Сейчас, сейчас! – отвечала Алиса.

А сама думала: «Буду сидеть в воде до тех пор, пока у меня не вырастут плавники и я не превращусь в рыбку.

И с тех пор каждый вечер, прежде чем улечься в постель, она подходила к зеркалу и смотрела, не прорезались ли у нее

плавники, или, быть может, прежде начнет появляться серебристая чешуя? Но каждый раз находила на своих плечах только несколько песчинок, и то если она не слишком старательно мылась в душе.

Однажды утром она пришла на пляж раньше обычного и встретила там мальчика, который собирал морских ежей и моллюсков. Мальчик был сыном рыбака и прекрасно разбирался во всем, что касается моря.

– А не знаешь ли ты, как превратиться в рыбу? – спросила его Алиса.

– Ну, это проще простого! – ответил мальчик. – Могу хоть сейчас показать.

Он положил на камень узелок с ежами и моллюсками и прыгнул в море. Прошла минута, прошла другая, а мальчик все не всплывал на поверхность. А в том месте, где он нырнул, вдруг показался из воды дельфин и давай кувыркаться между волнами и вздымать к небу веселые фонтаны брызг. Он играл и резвился у самых ног Алисы, и она нисколько его не боялась.

Наигравшись, дельфин легко взмахнул хвостом и уплыл в море. А на том месте, где только что был дельфин, вдруг появился мальчик.

– Видела, как это просто? – улыбнулся он.

– Видела, – ответила Алиса, – только у меня, наверное, не получится.

– А ты попробуй!

Алиса бултыхнулась в воду. Ей очень хотелось стать какой-нибудь морской звездой. Но тут с ней, конечно же, приключилась беда: Алиса опустилась на большую двустворчатую раковину, которой как раз в этот момент захотелось зевнуть. Едва Алиса коснулась раковины, она тут же захлопнулась и заперла Алису вместе со всеми ее мечтами.

«Ну вот, опять я куда-то попала!» – подумала девочка.

Но какая тишина, какая свежесть и покой царили тут, на дне морском. Хорошо было бы остаться тут навсегда и жить на дне моря, как когда-то в давние времена жили русалки. Алиса вздохнула. Она вспомнила о маме. Бедная мама, наверное, думает, что ее дочь уже в постели! Потом Алиса вспомнила о папе, который как раз сегодня вечером должен приехать из города, потому что была суббота.

– Нет, не могу я оставить их одних! Ведь они так любят меня! На этот раз я уж так и быть вернусь на землю.

Она изо всех сил уперлась руками и ногами в «створки раковины, приоткрыла их, выскользнула наружу и быстро поплыла наверх.

Вынырнула она на поверхность и увидела, что мальчик, который собирал морских ежей и моллюсков, уже далеко.

И Алиса побежала домой. Она никогда и никому не рассказывала о том, что с ней приключилось в море.

Война колоколов

Шла однажды война, большая и ужасная война между двумя странами. Очень много солдат тогда полегло на поле боя. Мы были на нашей стороне, а враги – на своей. Стрельба шла день и ночь, но война все никак не кончалась, и нам стало не хватать бронзы для пушек, кончилось железо для пулеметов и так далее.

Тогда наш командующий Сверхгенерал Стреляй-мимо приказал снять колокола со всех колоколен и отлить из них одну огромную пушку – только одну, но такую большую, чтобы можно было выиграть войну с одного выстрела.

Чтобы поднять эту пушку, нужно было сто тысяч подъемных кранов, а чтобы отвезти ее на фронт – девяносто семь поездов. Сверхгенерал потирал от удовольствия руки и говорил:

– Стоит только выстрелить из этой пушки, как враги пу-
стятся наутек и докатятся до самой Луны!

И вот настал торжественный момент. Сверхпушку нацелили на врагов. Мы заткнули уши ватой, потому что от грохота выстрела у нас могли лопнуть барабанные перепонки и евстахиева труба.

Сверхгенерал Стреляй-мимо скомандовал:

– Огонь!

Артиллерист нажал на пусковой рычаг. И вдруг по всему

фронту, с одного края в другой, прокатился оглушительный колокольный звон:

– Дин! Дон! Дин! Дон!

Мы вынули вату из ушей, чтобы лучше слышать,

– Дин! Дон! Дин! Дон! – гудела сверхпушка.

И сто тысяч эхо повторяли по всем городам и селам:

– Дин! Дон! Дин! Дон!

– Огонь! – снова закричал Сверхгенерал. – Огонь, черт возьми!

Артиллерист снова нажал на пусковой рычаг, и снова величавый колокольный перезвон поплыл над траншеями. Казалось, будто зазвонили сразу все колокола в нашей стране. Сверхгенерал рвал на себе волосы от злости и отчаяния и так перестарался, что у него остался всего один волосок.

Затем наступила тишина. И вдруг с другой стороны фронта, словно по команде, тоже раздался громкий и радостный перезвон:

– Дин! Дон! Дин! Дон!

Потому что, надо вам сказать, командующему наших врагов Смерть-генералу Бах-фон-Бабаху тоже пришло в голову отлить одну большую пушку из всех колоколов, что были в его стране.

– Дин! Дон! – гудела сверхпушка.

– До-он! – отвечало ей вражеское орудие.

Тут солдаты обеих армий выскочили из траншей и побежали друг другу навстречу. Они бросились обниматься, ста-

ли смеяться и танцевать от радости.

– Колокола! Колокола звонят! Праздник! Войне конец!
Ура! Да здравствует мир!

Сверхгенерал Стреляй-мимо и Смерть-генерал Бах-фон-Бабах забрались в свои автомобили и пустились наутек! Они умчались так далеко, что у них даже кончился весь бензин, но колокольный звон еще долго преследовал их.

Фиалка на Северном полюсе

Однажды утром на Северном полюсе Белый Медведь почувствовал в воздухе какой-то необычный запах и сказал об этом Большой Медведице (а Малая Медведица – это его дочь):

– Разве снова приехала какая-нибудь экспедиция?

Но оказалось, дело было не в этом. Оказалось, медвежата нашли фиалку. Она была совсем маленькая, дрожала от холода, но продолжала источать свой аромат, потому что это было ее профессией, ее призванием.

– Папа! Мама! Идите сюда! – позвали медвежата родителей и показали им свою удивительную находку.

– Я сразу же сказал, что тут что-то не так, – заметил Белый Медведь. – По-моему, это не рыба.

– Я не уверена в этом, – ответила Большая Медведица, – но это даже не птица.

– Ты тоже права, – сказал Медведь, сначала порядком подумав.

К вечеру по всему Северному полюсу разнеслась новость: в необозримой ледяной пустыне появилось маленькое странное ароматное существо лилового цвета. Оно держалось только на одной-единственной ножке и не двигалось с места.

Посмотреть на фиалку собрались моржи и тюлени, прибыли олени из Сибири, мускусные быки – из Америки, а из

совсем далеких краев прибежали белые лисицы, волки, прилетели морские сороки.

Все восхищались незнакомым цветком, его трепещущим стеблем, все с удовольствием вдыхали его аромат. И что самое странное: чудесного запаха хватало на всех – и для тех, кто все подходил и подходил. Его было столько же, сколько раньше.

– Раз она источает столько аромата, – сказал один морж, – значит, у нее подо льдом должен быть Целый запас его.

– Я же сразу сказал, тут что-то кроется! – воскликнул Белый Медведь.

Он сказал не совсем так, но этого никто не помнил.

Чайка, которую послали на юг разузнать что-нибудь про странное явление, вернулась и рассказала, что маленькое ароматное существо зовется фиалкой и что в некоторых странах растут миллионы таких фиалок.

– Ну, в этом нет ничего нового для меня! – заметил морж. – Вопрос в другом – как она попала сюда? Я скажу вам все, что думаю по этому поводу: я просто не знаю, какую рыбу хватать!

– Я не понял. Что он хотел сказать? – спросил Белый Медведь у своей жены.

– Он хотел сказать, что не знает, какую рыбу хватать. Другими словами – он в полном недоумении.

– Вот! – воскликнул Белый Медведь. – Это как раз то, что и я думаю по этому поводу!

В ту ночь над Северным полюсом стоял страшный грохот. Вечные льды дрожали и, как стекла, раскалывались на куски. Фиалка источала столько чудесного аромата и такого сильного, будто она решила сразу, за один день, растопить всю эту огромную ледяную пустыню, чтобы превратить ее в теплое лазурное море или в зеленый бархатный луг. Бедняжка так потрудилась, что силы ее иссякли. К рассвету она увяла, головка ее поникла, она потеряла свой цвет, а вместе с ним и жизнь.

Если перевести на наш язык то, что подумала она в последнюю минуту, это прозвучало бы примерно так: «Вот я умираю... Но это неважно. Важно, что кто-то начал борьбу... И в один прекрасный день здесь распустятся миллионы фиалок. Льды растают, и тут появятся острова, покрытые лугами и цветами, и по ним будут бегать дети...»

Про молодого рака

Один молодой рак подумал как-то: «Почему все мои со-родичи ходят одинаково – все пьются назад? А я вот возьму и научусь ходить наоборот – вперед. Как лягушка, например. И пусть у меня отвалится хвост, если я не добьюсь своего!».

Стал рак тренироваться среди камней в родном ручье. По-началу это стоило ему огромного труда. Он все время на что-нибудь натыкался, ударялся панцирем, цеплялся одной клешней за другую. Но постепенно дела у него пошли лучше, потому что ведь всему на свете можно научиться, стоит только захотеть.

Когда рак почувствовал уверенность в себе, он явился к родным и сказал:

– Вот посмотрите! – И горделиво прошелся перед ними, но не пьется, как все раки, назад, а двигаясь вперед.

– Сын мой! – заплакала мать. – Разве я не учила тебя уму-разуму?! Опомнись, милый! Ходи ты, родной, как все нормальные раки ходят!

А братья только хихикали. Отец же сурово посмотрел на молодого рака и сказал:

– Хватит! Хочешь жить вместе с нами, ходи, как ходят все нормальные раки. А если ты сам себе голова, то иди отсюда и не возвращайся: ручей большой, места всем хватит.

Храбрый рак очень любил родных, но он был слишком

уверен в своей правоте, и сомнений у него не было. Он обнял мать, попрощался с отцом и братьями и отправился в дальние края – на "другой конец ручья.

Лягушки, что собрались посплетничать на большом листе кувшинки, увидев, как необычно движется молодой рак, были поражены и принялись оживленно обсуждать это событие:

– Боже! Ну и дела творятся на белом свете! Стоит посмотреть на этого рака – и страшно подумать, что станет с человечеством! – сказала одна лягушка.

– Да, ни капли уважения к старым традициям! – согласилась другая.

– Ох! Ох! – вздохнула третья.

Но молодой рак не стал обращать на них внимания и пошел дальше.

Вдруг он услышал, что кто-то зовет его. Он оглянулся и увидел старого, большого и очень грустного рака, который жил под камнем совершенным отшельником.

– Добрый день! – приветствовал его молодой рак. Старый рак долго смотрел на него, а потом сказал:

– Ты думаешь, что совершаешь геройский подвиг? Я тоже в молодости хотел научить всех раков двигаться вперед. И вот что стало со мной в результате: живу в одиночестве, и люди скорее прикусят себе язык, чем заговорят со мной. Послушай меня, пока не поздно, – успокойся и делай все, как все люди, увидишь, ты еще поблагодаришь меня за этот

совет.

Молодой рак не знал, что ответить, и промолчал. Но про себя подумал: «А все-таки прав я!» Он попрощался со старым отшельником и упрямо пошел своей дорогой.

Далеко ли он уйдет? Найдет ли он свое счастье? Изменит ли он что-нибудь в жизни? Мы не знаем этого, потому что он пока еще мужественно и решительно идет своей дорогой. Мы можем только пожелать ему от всего сердца: доброго пути!

Волосы великана

Жили однажды четыре брата. Трое были очень маленького роста и ужасно хитрые, а четвертый был великаном, невероятным силачом и очень простодушным человеком, совсем не таким, как его братья.

Вся сила у него была в руках, а ум – в волосах. Понятно, что хитрые братья подстригали великана как можно короче, чтобы ума у него оставалось поменьше, и заставляли работать за четверых. Сами они только смотрели, как он работает, да потуже набивали свои

карманы деньгами.

Бедняге великану приходилось делать все за всех: пахать поле, колоть дрова, вертеть мельничное колесо, возить телегу вместо вола. А хитрые братья только понукали, сидя на козлах, да пощелкивали бичом. И еще они все время следили, чтобы у великана не отросли волосы.

– Тебе очень идет короткая стрижка! – говорил один.

– Да, истинная красота не в кудрях! – замечал другой.

– Смотрите, вот эта прядка у него слишком длинная, по моему. Надо ее сегодня вечером подкоротить! – предлагал третий.

А сами пересмеивались и подталкивали друг друга в бок. На базаре они забирали себе всю выручку и отправлялись веселиться в тратторию, а брата-великана заставляли сторо-

жить телегу.

Кормили они его, правда, неплохо – надо же, чтобы у него хватало сил работать. Пить они ему тоже давали всякий раз, как он попросит, но всегда это было вино только одного сорта – то, что бьет из фонтана.

Но вот однажды великан заболел, и братья в страхе, что он умрет и перестанет работать на них, позвали самых лучших докторов, накупили ему самых дорогих лекарств и даже стали подавать завтрак в постель.

Один брат поправлял подушки, другой – одеяло.

И все трое наперебой говорили:

– Видишь, как мы любим тебя! Смотри не вздумай умереть! Не выкинь с нами такую шутку!

Братья так были обеспокоены его болезнью, что совсем забыли про его прическу, и волосы у великана незаметно отросли – стали длинными-длинными. Вместе с ними прибавилось у великана и ума. Он стал больше думать, внимательнее присматриваться к братьям, примечать все, что делается вокруг, и понял наконец, какие это недобрые люди. Но поначалу он ничего не сказал им, подождал, пока наберется сил побольше, и однажды утром, когда братья еще спали, встал, переЕязал каждого, словно колбасу, веревкой и погрузил в телегу.

– Куда ты везешь нас? Куда везешь своих любящих братьев? – взмолились они.

– Сейчас узнаете, – ответил великан.

Он привез их на вокзал, посадил в поезд, так и не развязав веревок, и сказал напоследок:

– Уезжайте, и чтобы ноги вашей не было в этих краях! Вы достаточно поизмывались надо мной. Теперь я сам себе хозяин.

Паровоз засвистел, поезд тронулся. Трое хитрых братьев сидели тихохонько-тихохонько. И никто больше никогда не видел их.

Как убежал нос

Синьор Гоголь рассказал как-то историю об одном носе, который катался по Невскому проспекту в коляске и проделывал невероятные вещи.

Такой же нос проказничал однажды в Лавено, на озере Лаго Маджоре.

Однажды утром синьор, который жил напротив причала, встал и пошел в ванную комнату. Он собирался побриться, но, взглянув в зеркало, вдруг закричал не своим голосом:

– На помощь! Спасите! Мой нос!...

На лице у него не было носа. Вместо него осталось ровное, гладкое место. Синьор, в чем был, выбежал на балкон как раз вовремя, чтобы увидеть, что его нос выходит на улицу и быстро направляется к причалу.

– Стой! Стой! – закричал синьор. – Мой нос! Хватайте его! Держите его!

Люди смотрели на балкон и смеялись:

– Нос украли, а лысину забыли?! Нехорошо, ай, как нехорошо!

Синьору оставалось только одно – выбежать на улицу и пуститься в погоню за беглецом. К лицу он прижимал платок, словно у него был сильный насморк. К сожалению, на причал он примчался, когда паром уже отошел. Тогда синьор отважно бросился в воду и поплыл вдогонку за ним. А пас-

сажиры и туристы кричали ему что было мочи:

– Давай! Давай! Жми!

Но паром уже набрал скорость, и у капитана не было ни малейшего желания возвращаться ради какого-то опоздавшего пассажира.

– Подожди следующего парома! – крикнул ему один моряк. – Он ходит каждые полчаса.

Синьор страшно огорчился и направился обратно к берегу, как вдруг увидел, что его нос плывет по озеру на своем плаще.

– Ах вот как?! Значит, ты только притворился, будто хочешь сесть на паром! – закричал синьор.

Нос невозмутимо продолжал смотреть вперед, словно старый морской волк, и даже ухом не повел. Плащ медленно, будто медуза, покачивался на волнах.

– Да куда же ты? – в отчаянии закричал синьор.

Нос не удостоил его ответом, и несчастному синьору пришлось вернуться на берег. Пробравшись сквозь толпу любопытных, он пошел домой. Поднявшись к себе, он заперся, велел служанке никого не пускать к нему, сел перед зеркалом и принялся рассматривать гладкое ровное место, которое осталось у него вместо носа.

А спустя несколько дней один рыбак из Ранко, выбирая свои сети, обнаружил в них беглеца, утонувшего посреди озера, потому что плащ его был слишком дырявым. Рыбак решил отнести нос на базар в Лавено.

Служанка синьора в тот день тоже отправилась на базар за рыбой. Там она и увидела хозяйский нос. Он гордо красовался среди линей и щук.

– Да ведь это же нос моего хозяина! – испугалась служанка, а потом сразу же сообразила: – Дайте мне его сюда, я отнесу домой!

– Чей это нос – меня не касается! – заявил рыбак. – Я его выловил, я его и продаю.

– За сколько?

– На вес золота, разумеется! Это ведь нос, не рыбешка какая-нибудь!

Служанка побежала домой и рассказала все хозяину.

– Дай ему все, что он попросит! Я хочу, чтобы мой нос вернулся на место! – в отчаянии закричал синьор.

Служанка быстро подсчитала, что нужно страшно много денег, потому что нос был довольно большой, надо было триста ужасных тысяч и тринадцать девя-тищ с половиной. Чтобы собрать столько денег, ей пришлось даже продать свои сережки. Но она очень любила своего хозяина и поэтому без сожаления распрощалась с ними.

Служанка купила нос, завернула в платок и принесла хозяину. Нос спокойно позволил принести себя домой и даже нисколько не возмутился, когда хозяин осторожно взял его дрожащими руками за кончик.

– Отчего же ты убежал, глупенький? Что я тебе такого сделал? – спросил синьор.

Нос посмотрел на него искоса, недовольно поморщился и сказал:

– Знаешь, если хочешь, чтобы я оставался на месте, не ковырай больше пальцем в носу. Или стриги, по крайней мере ногти!

Дорога, которая никуда не ведет

На окраине села улица разветвлялась на три дороги – одна вела к морю, другая – в город, а третья – никуда не вела. Мартино знал это, потому что у всех спрашивал про третью дорогу и все отвечали ему одно и то же, будто сговорились:

– Та дорога? Она никуда не ведет. Не стоит ходить по ней.

– Но все-таки куда-то она ведет?

– Нет, совсем никуда не ведет!

– Так зачем же ее построили?

– Никто и не строил ее. Она всегда там была!

– И никто никогда не ходил по ней?

– Ох, и упрямая ты голова!... Раз тебе говорят, что там ничего нет...

– А откуда вы знаете? Вы разве ходили по ней?

Мартино был такой настойчивый, что его так и прозвали – Мартино Упрямая Голова. Но он не обижался и продолжал думать о дороге, которая никуда не ведет.

Когда он подрос настолько, что смог переходить улицу, не держась за дедушку, он встал однажды рано утром, вышел из села и решительно зашагал по таинственной дороге, которая никуда не вела.

Дорога была вся в выбоинах, местами заросла травой, но, к счастью, дождя давно не было – не было и луж на дороге. Поначалу по обе стороны шла изгородь, но скоро она кон-

чилась, и тогда дорога потянулась через лес. Ветви деревьев переплетались над ней, и получалась темная прохладная галерея, в которую лишь изредка, словно луч карманного фонарика, пробивался солнечный свет.

Шел Мартино, шел, а галерея все не кончалась, и дорога не кончалась тоже, У Мартино уже ноги заныли от усталости, и он стал подумывать, не вернуться ли назад. Вдруг откуда ни возьмись – собака!

– Где собака, там и жилье! – решил Мартино. – Или, во всяком случае, человек.

Собака бросилась навстречу Мартино, радостно виляя хвостом, и лизнула ему руку, а потом побежала вперед по дороге, все время оглядываясь, идет ли за ней Мартино.

– Иду, иду! – говорил Мартино, которого все это очень заинтересовало.

Постепенно лес стал редеть, проглянуло небо, и дорога привела к большим железным воротам.

За оградой Мартино увидел дворец. Все окна его были гостеприимно распахнуты, из трубы шел дым, а на балконе стояла прекрасная синьора, приветливо махала Мартино рукой и звала:

– Сюда, сюда, Мартино Упрямая Голова!

– Э! – обрадовался Мартино. – Я и не представлял, куда приду, но вы, оказывается, хорошо знали, кто к вам придет!

Мартино открыл ворота, пересек парк и вошел во дворец как раз в тот момент, когда прекрасная синьора Еышла ему

навстречу. Синьора была очень красива и одета куда лучше всяких фей и принцесс. И к тому же веселая-превеселая.

– Так ты не поверил? – засмеялась она. – Чему? – удивился Мартино.

– Не поверил, что эта дорога никуда не ведет?

– Еще бы! Слишком глупая история. По-моему, на свете гораздо больше просто еще не изведанных путей, чем нехоженных дорог.

– Разумеется. Нужно только не бояться неизвестных дорог. А теперь идем, я покажу тебе дворец.

Больше ста залов было во дворце, и все они были забиты сокровищами – совсем как в сказках про спящих красавиц или про чудовищ, оберегающих свои богатства. Тут были алмазы, драгоценные камни, золото, серебро. А прекрасная синьора все говорила Мартино:

– Бери, бери все, что захочешь. Я одолжу тебе тележку, чтобы ты мог забрать все, что хочешь.

Сами понимаете, Мартино не заставил себя уговаривать. Он доверху нагрузил тележку и отправился в обратный путь. Вместо кучера у него сидела собака. Это была ученая собака – она умела править вожжами и лаяла на лошадей, когда те начинали дремать или сбивались с дороги.

В селе о Мартино уже и думать забыли – решили, что он погиб. И когда он вдруг вернулся, все очень удивились. Ученая собака выгрузила на площади все сокровища, вильнула хвостом в знак прощания, снова забралась на тележку и

скрылась в облаке пыли.

Мартино сделал богатые подарки всем – и друзьям, и недругам – и раз сто вынужден был повторить свой рассказ про все, что с ним приключилось. И всякий раз, когда он умолкал, кто-нибудь из его односельчан бежал домой, запрягал лошадь и пускался вскачь по дороге, которая никуда не ведет.

К вечеру все они возвращались. У всех были вытянутые от огорчения лица: дорога, уверяли они, вела прямо в болото, в чащу леса, в заросли колючего кустарника. Не было там ни железной ограды, ни дворца, ни прекрасной синьоры, раздающей богатства.

А все потому, что некоторые сокровища открываются только тем людям, которые первыми проходят по нехоженным путям! Как Мартино Упрямая Голова.

Пугало

Гонарио был самым маленьким из семерых братьев. У родителей его не было денег, чтобы послать мальчика в школу учиться. И пришлось ему наняться на богатую ферму – работать. Так Гонарио стал... пугалом. Он должен был ходить по полям и разгонять птиц.

Каждое утро ему давали кулек с порохом, и он отправлялся на работу. Время от времени он останавливался среди поля и поджигал щепотку пороха. Вспышка огня пугала птиц, и те улетали, думая, что пришли охотники.

А однажды искра попала на куртку Гонарио, она загорелась, и если бы мальчик не догадался броситься в ров с водой, то, конечно, погиб бы от огня. Прыгнув в ров, Гонарио перепугал там всех лягушек – они с невероятным шумом и гамом бросились врассыпную. Крики лягушек напугали кузнечиков и цикад, и они на мгновение замолкли...

Но больше всего испугался сам Гонарио. Испугался и заплакал. Он сидел один-одинешенек возле рва, мокрый, словно гадкий утенок, маленький, оборванный и голодный. Он плакал так горько, что даже воробьи перестали прыгать с ветки на ветку. Они глядели на мальчика и сочувственно щебетали, пытаясь утешить его. Но разве могут воробьи утешить свое пугало?!

Эта история случилась в Сардинии.

Как один мальчик играл с палкой

Было утро. Маленький Клавдио играл у ворот, а по улице, сгорбившись, опираясь на палку, шел старик в золотых очках. У ворот он вдруг уронил палку. Клавдио поднял ее и подал старику. Тот улыбнулся:

– Спасибо! Только, знаешь, она не нужна мне больше. Я отлично смогу обойтись и без палки. Оставь ее себе, если хочешь.

И ушел, не дожидаясь ответа. Заметно было, что он уже не так горбился.

А Клавдио так и остался стоять с палкой в руках, не зная, что с нею делать. Это была обыкновенная деревянная палка, с изогнутой ручкой и железным наконечником. Ничего в ней особенного не было.

Клавдио стукнул раза два палкой о землю, а затем просто так, играя, взял и оседлал ее, словно игрушечного коня. И вдруг он действительно оказался на коне – на замечательном черном жеребце с белой звездой на лбу. Скакун заржал и галопом понесся по двору, выбивая копытами искры из камней. Когда Клавдио, изумленный и немного растерянный, слез с него, то палка уже снова стала обыкновенной палкой. На ней не было и следов каких-нибудь копыт, а был только железный наконечник, не было пышной гривы, а была только изогнутая ручка.

«Что, если еще попробовать?» – подумал Клавдио.

Он снова сел верхом на палку. На этот раз она оказалась величественным верблюдом, а двор превратился в огромную пустыню. Но Клавдио не испугался и стал всматриваться в безлюдную даль пустыни, пытаясь найти оазис.

«Это, конечно, волшебная палка», – решил Клавдио и в третий раз оседлал ее. Теперь он мчался в красном спортивном автомобиле по гоночному треку, а на трибунах шумели болельщики. И Клавдио первым пришел к финишу.

Затем палка стала моторным катером, а двор – спокойным зеленым озером. Потом Клавдио оказался на космическом корабле, оставляющем за собой звездный шлейф...

Но всякий раз, когда Клавдио ступал на землю, палка приобретала свой обычный мирный вид – у нее была все та же гладкая изогнутая ручка и ржавый железный наконечник.

В играх быстро пролетел весь день. А вечером Клавдио снова выглянул на улицу и снова увидел старика в золотых очках, возвращавшегося откуда-то. Клавдио с любопытством оглядел его, но ничего необычного не заметил – это был обыкновенный старик, немного утомленный после долгого пути.

– Понравилась тебе палка? – спросил он Клавдио.

Клавдио решил, что старик хочет забрать палку, и протянул ему ее, покраснев:

– Спасибо!

Но старик покачал головой.

– Оставь ее себе, – сказал он, – на что мне теперь эта палка! Ты с ее помощью можешь даже летать, а я ведь только опираюсь на нее. Я могу прислониться и к стене – все равно.

И старик ушел, улыбаясь, потому что нет на свете человека счастливее того, кто может подарить что-нибудь детям.

Старые Пословицы

– Ночью, – заявила одна Старая Пословица, – все кошки серы!

– А я черная! – возразила черная кошка, которая как раз в этот момент перебежала дорогу.

– Не может быть! – рассердилась Старая Пословица. – Старые Пословицы никогда не ошибаются!

– А я все равно черная! – ответила кошка.

От удивления и огорчения Старая Пословица тотчас же свалилась с крыши и сломала ногу.

А другая Старая Пословица отправилась однажды на футбол. Там она стала болеть за одного игрока и решила помочь ему. Она шепнула ему на ухо:

– И один в поле воин!

Футболист попробовал играть мячом в одиночку. Но смотреть на это зрелище было так тоскливо, что можно было умереть от скуки. К тому же футболисту, игравшему в одиночку, некого было побеждать, и он вскоре вернулся в свою команду. С досады Старая Пословица заболела, и ей пришлось удалить гланды.

Встретились как-то три Старые Пословицы и, едва открыв рот, сразу же заспорили.

– Начало – половина дела! – заявила первая.

– Ничего подобного! Всем известно, что в любом деле

лучше всего золотая середина! – возразила вторая.

– Глубочайшее заблуждение! – воскликнула третья. – Конец – всему делу венец!

Тут они вцепились друг другу в волосы, да так до сих пор и дерутся.

Есть еще одна история про Старую Пословицу, которой захотелось отведать груш. Она уселась под грушевым деревом и стала ждать. «Спелая груша сама с ветки падает!» – подумала она. Но груша упала с дерева только тогда, когда насквозь прогнила. Она шлепнулась прямо на макушку Старой Пословицы, и та с горя тотчас же ушла на пенсию,

Про Аполлонию, которая лучше всех умела варить варенье

В Сант-Антонио – это у озера Лаго Маджоре – жила одна женщина, великая мастерица варить варенье, и такое вкусное, что отовсюду, из всех окрестных долин, приезжали к ней люди, чтобы она сварила им варенье. В хорошую погоду в Сант-Антонио всегда было много приезжих – из Валькувии и Вальтравальи, из Дументины и Поверины. Люди присаживались отдохнуть на невысокую каменную ограду, откуда можно было полюбоваться видом озера, а потом шли к Аполлонии.

– Не сварите ли вы нам варенье из черники?

– Охотно! – отвечала Аполлония.

– А мне из слив!

– Пожалуйста!

У Аполлонии были поистине золотые руки. Как-то приехала к ней одна бедная женщина из Аркумеджи, такая бедная, что у нее не было даже горсточки персиковых косточек, чтобы сварить варенье, и по дороге она набрала в передник каштановой скорлупы.

– Аполлония, сварите мне варенье! – попросила она.

– Из каштановой скорлупы? – удивилась та.

– У меня нет ничего другого!

– Ну что ж, попробую.

Аполлония постаралась и сварила такое вкусное варенье, какого еще никто и никогда не отведал.

В другой раз бедная женщина из Аркумеджи не нашла даже каштановой скорлупы, потому что ее уже засыпали сухие опавшие листья. И она нарвала полный передник крапивы.

И снова:

– Аполлония, сварите мне еще варенье!

– Из крапивы?

– Я не нашла ничего другого...

– Ну что ж, попробую.

Аполлония взяла крапиву, засыпала ее сахаром, сварила так, как только она одна умела это делать, и у нее получилось такое варенье, что пальчики оближешь.

И все потому, что у Аполлонии были поистине золотые руки: она могла сварить варенье даже из камней.

Проезжал как-то в тех краях король, и захотелось ему тоже попробовать знаменитого варенья, которое варила Аполлония. Подала она ему блюдце с вареньем. Взял король ложечку, попробовал и недовольно поморщился – в варенье случайно оказалась муха.

– Невероятно противно! – заявил король. – Ужасно невкусно!

– Не будь варенье хорошим, муха не сунулась бы в него, – ответила Аполлония.

Однако король уже рассердился и приказал своим солда-

там отрубить Аполлонию руки.

Тогда люди разозлились на короля и заявили, что если он отрубит Аполлонию руки, то они снимут ему голову вместе с короной. Потому что голова, чтобы носить корону, всегда найдется, а таких золотых рук, как у Аполлонию, днем с огнем не сыщешь!

Пришлось королю обратиться к своим добрым друзьям.

Старая тетушка Ада

Когда старая тетушка Ада стала совсем-совсем старенькой, она переехала жить в дом для престарелых людей. Поселили ее в небольшой комнате, где стояли три кровати. Две из них занимали такие же, как она, сухонькие старушки, а третью отвели ей. Старая тетушка Ада сразу же облюбовала себе креслице у окна, взяла печенье и накрошила его на подоконник.

– Что же это вы придумали! – рассердились старушки. – Так же муравьи наползут сюда.

Но вместо муравьев на окне вдруг появилась птичка. Она с удовольствием поклевала печенье, а потом вспорхнула и улетела.

– Ну вот, – снова заворчали старушки. – Вы старались, а она поела, хвостиком покрутила и улетела!

Даже спасибо не сказала! Как и наши дети. Выросли и разлетелись кто куда, даже не вспомнят о своих родителях.

Ничего не ответила старая тетушка Ада. А на другой день опять накрошила печенье на подоконник. И так она делала каждое утро. И птичка тоже стала прилетать каждый день, всегда в одно и то же время. А если случалось, что тетушка Ада еще не приготовила ей завтрак, птичка начинала беспокоиться и волноваться.

Прошло некоторое время, и птичка прилетела на окно не

одна, а со своими птенцами. Потому что она уже свила себе гнездо и у нее появилось четверо детишек. Птенцы тоже с удовольствием клевали печенье, которое, крошила им старая тетушка Ада. Так что теперь каждое утро на подоконнике появлялась целая стайка. И если, случалось, завтрак запаздывал, птицы поднимали ужасный шум и галдеж – пищали и чирикали на все голоса.

– Там ваши птицы прилетели, – говорили старушки старой тетушке Аде, и видно было, что им немного завидно. И тетушка Ада бросала все дела и семенила как могла к своей тумбочке. Она доставала печенье, лежавшее рядом с пачкой кофе и анисовыми карамельками, и говорила:

– Сейчас, сейчас! Иду!

– Ох-ох! – вздыхали старушки. – Если б вот так же – печеньем – можно было бы вернуть сюда наших детей. А ваши, тетушка Ада, где ваши дети?

Старая тетушка Ада не знала, где они. Может быть, в Австралии. Но она не смущалась. Она крошила птичкам печенье и приговаривала:

– Ешьте, ешьте, иначе у вас не будет сил летать. А когда птицы заканчивали свой завтрак, она добавляла:

– Ну а теперь летите, летите! Чего вы еще ждете?

Крылья на то и даны вам, чтобы летать.

Старушки покачивали головами. Они думали, что старая тетушка Ада просто выжила из ума. Ведь она такая старая и такая бедная, а все норовит кого-то угостить. И даже не ждет

при этом, что ей скажут спасибо.

А потом старая тетушка Ада умерла. И ее дети узнали об этом, когда прошло много времени и уже поздно было ехать на похороны. А птички – те по-прежнему прилетали на подоконник всю зиму и сердились, что старая тетушка Ада не накрошила им печенья,

Король, который должен был умереть

Однажды король должен был умереть. Это был очень могущественный король, но он был смертельно болен.

– Мыслимое ли дело, – отчаивался он, – чтобы такой могущественный король, как я, умер! Что думают мои придворные волшебники?! Почему не спасают меня?

Но, оказывается, волшебники, боясь потерять ненароком голову, разбежались кто куда. Остался только один, на которого никто прежде не обращал внимания. Это был самый дряхлый и самый старый волшебник, чудной и, наверное, даже немного сумасшедший. Король уже давно не прибегал к его советам. Но тут – делать нечего – пришлось послать за ним.

– Ты можешь остаться в живых, – сказал ему волшебник. – Но при одном условии: тебе надо на сутки уступить свой трон человеку, который будет как две капли воды походить на тебя. И тогда умрет он, а не ты.

Тотчас же по всему королевству гонцы разгласили указ:

– Всякий, кто похож на короля и не хочет кончить свои дни на плахе, должен тотчас же явиться к королевскому двору!

Явились многие. У одних борода была совсем такая же,

как у короля, а вот нос – капельку длиннее или чуточку короче, и волшебник отсылал их прочь. Другие походили на короля, словно два апельсина в корзине продавца фруктов, но волшебник и их отправлял восвояси: то не хватало зуба, то оказывалась родинка на спине.

– Так ты всех разгонишь! – рассердился король. – Дай мне хоть ради пробы поменяться местами с кем-нибудь!

– Это тебе не поможет, – отвечал волшебник.

Однажды вечером король прогуливался вместе с ним по крепостной стене, как вдруг волшебник воскликнул:

– Вот! Вот человек, который больше всех похож на тебя!

И он указал на нищего, горбатого, полуслеплого, покрытого струпьями.

– Нет, это невысказимо! – возмутился король. – Между нами целая пропасть!

– Король, которого ждет смерть, – продолжал волшебник, – может походить только на самого бедного, самого несчастного человека в городе. Ну-ка поменяйся быстро с этим стариком одеждой, уступи ему на сутки свой трон, и ты будешь спасен!

Но король ни за что не захотел согласиться. Оскорбленный, он вернулся во дворец и в тот же вечер умер как был – с короной на макушке и со скипетром в кулаке.

Солнце и туча

Солнце весело и горделиво катило по небу на своей огненной колеснице и щедро разбрасывало лучи – во все стороны!

И всем было весело. Только туча злилась и ворчала на солнце. И неудивительно – у нее было грозное настроение.

– Транжира ты! – хмурилась туча. – Дырявые руки! Швыряйся, швыряйся своими лучами! Посмотрим, с чем ты останешься!

А в виноградниках каждая ягодка ловила солнечные лучи и радовалась им. И не было такой травинки, паучка или цветка, не было даже такой капельки воды, которые не старались бы заполучить свою частичку солнца.

– Ну, транжирь еще! – не унималась туча. – Транжирь свое богатство! Увидишь, как они отблагодарят тебя, когда у тебя уже нечего будет взять!

Солнце по-прежнему весело катило по небу и миллионными, миллиардами раздаривало свои лучи.

Когда же к закату оно сосчитало их, оказалось, что все на месте – смотри-ка, все до одного!

Узнав про это, туча так удивилась, что тут же рассыпалась градом. А солнце весело бултыхнулось в море.

Рыбак из Чефалу

Однажды рыбак из Чефалу, выбирая сеть, обнаружил, что она тяжелая-претяжелая. Он думал уже, что выловил невесть что, а, вытянув сеть, увидел, что поймал всего-навсего крохотную – с мизинец – рыбешку. Тогда он разозлился и хотел было бросить ее обратно в море, как вдруг услышал тонюсенький голосок:

– Ой, не сжимай меня так сильно!

Рыбак оглянулся по сторонам, но никого не увидел: ни вблизи, ни вдали. И уже снова хотел бросить рыбку, как вдруг опять тот же тонюсенький голосок проговорил:

– Не бросай меня в море! Не бросай!

Тогда рыбак понял, кто с ним разговаривает. Он разжал кулак и увидел на ладони вместо рыбки крохотного мальчика. Он был очень маленький, но совсем как настоящий – у него были всамделишные ручки, ножки, головка, все как полагается, только на спине у него росли два плавника, как у рыбки.

– Кто ты такой? – спросил рыбак.

– Я мальчик, рожденный морем, – услышал он в ответ.

– А что тебе от меня надо?

– Оставь меня у себя, и я принесу тебе счастье!

Рыбак вздохнул:

– Боже, только этого счастья мне недоставало!

Ведь у меня своих детей хоть отбавляй – не знаю, как прокормить!

– Поживем – увидим, – загадочно произнес мальчик, рожденный морем.

Рыбак отнес мальчика домой, велел сшить ему маленькую рубашонку, чтобы спрятать плавники, и положил спать в люльку к своему младшему сыну. Мальчик и половины подушки не занял.

Но зато ел он безумно много – столько не съедали все дети рыбака за один раз, а их было семь человек, и один голоднее другого!

– Нечего сказать, повезло мне! – вздыхал рыбак.

Однажды утром поехал рыбак ловить рыбу, и мальчик, рожденный морем, упросил взять его с собой. Они вышли в открытое море, и мальчик сказал:

– Греби прямо, пока я не скажу тебе. – Рыбак послушался мальчика. – А теперь стой. Забрось сеть вон туда.

Рыбак снова послушался. А когда выбрал сеть из воды, она оказалась тяжелой, как никогда, – в ней была первосортная рыба.

Мальчик захлопал в ладоши:

– Что я говорил! Я-то знаю, где рыба водится!

Очень скоро рыбак разбогател, купил себе вторую лодку, третью, и потом еще много-много лодок, и все они выходили в море, забрасывали сети и привозили ему отличный улов. Рыбак выручал от продажи так много денег, что при-

шлось отправить одного сына учиться на бухгалтера, чтобы тот смог потом считать выручку.

Однако, став богачом, рыбак забыл, как ему жилось, когда он был бедняком. Он не щадил своих моряков, заставлял их много работать, а платил за это мало. И если они возмущались, выгонял с работы.

– Чем же мы будем детей кормить? – спрашивали они.

– Пусть погрызут камешки, – отвечал он, – увидите, их желудки отлично справятся с ними!

Мальчик, рожденный морем, все это видел и слышал и однажды вечером сказал рыбаку:

– Смотри, будь осторожней, а то снова ни с чем останешься.

Но рыбак только посмеялся и не обратил внимания на его слова. Больше того, он взял мальчика, засунул его в большую раковину и выбросил в море.

И кто знает, сколько еще пройдет времени, прежде чем этот мальчик сможет выбраться из своего плена. И тогда...

А вы бы на его месте что сделали?

Король Мидас

Король Мидас был ужасным транжирой. В его королевстве так и повелось: что ни день – праздник, что ни вечер – бал. Понятно, что в один прекрасный день не осталось у короля ни чентезимо. Тогда пошел он к волшебнику Аполло и рассказал ему о своей беде. И волшебник заколдовал его.

– Все, к чему прикоснутся твои руки, – сказал он, – будет превращаться в золото!

Король Мидас даже подскочил от радости и вприпрыжку побежал к своему автомобилю. Но едва он дотронулся до дверцы, как автомобиль сразу же стал золотым. Все стало золотым: колеса золотые, стекла золотые, мотор золотой, даже бензин превратился в кусок золота. Понятно, что машина не могла больше двигаться, и понадобились телега и пара волов, чтобы дотянуть машину на буксире до королевского дворца.

Король Мидас стал ходить по залам и трогать все подряд: столы, стулья, шкафы. И сразу все становилось золотым. Наконец захотелось королю пить, он велел принести стакан воды, но едва взял его в руки, как стакан превратился в кусок золота, и вода тоже перестала быть водой.

Пришлось поить короля с ложечки.

Подошло время обеда. Взял король вилку: она превратилась в золото. Гости захлопали в ладоши и наперебой стали упрашивать короля:

– Ваше величество, потрогайте мои пуговицы на куртке! Потрогайте мой зонт!

Король Мидас всех осчастливил, а когда взял хлеб, чтобы поесть наконец, хлеб тоже превратился в золото. Пришлось королеве кормить короля кашкой с ложечки. Гости попрятались под стол, потому что не могли удержаться от смеха. Король Мидас рассердился, схватил одного из них и дернул за нос. Нос тотчас же стал золотым, и бедняга испустил дух.

Пришла пора ложиться спать. Король Мидас коснулся подушки и превратил ее в золото, тронул простыню, матрац – и вот уже вместо постели лежит груды золота, твердого-претвердого. Не очень-то поспишь на таком ложе. Пришлось королю провести ночь в кресле с поднятыми кверху руками – чтобы ничего не коснуться ненароком. К утру король смертельно устал, и едва рассвело, побежал к волшебнику Аполло, чтобы тот расколдовал его. Аполло согласился.

– Хорошо, – сказал он, – но будь внимателен. Колдовство пройдет ровно через семь часов и семь минут. Все это время ты ничего не должен трогать, иначе все, чего ты коснешься, превратится в навоз.

Король Мидас ушел успокоенный и стал следить за часами, чтобы не тронуть что-нибудь раньше времени.

На беду, часы его немного спешили – каждый час перебежали вперед на одну минуту. Когда прошло семь часов и семь минут, король Мидас открыл дверцу своего автомобиля и сел в него. Сел и оказался в большой навозной куче.

Потому что не хватало еще семи минут до конца колдовства.

Голубой светофор

Пешеходы недоумевали – как быть? Автомобилисты яростно сигналили, мотоциклисты громко рычали своими мотоциклами, а самые важные и толстые прохожие сердито кричали светофору:

– Вы что, не знаете, кто я такой?!

Остряки обменивались шутками, а шутники – остротами:

– Зеленый цвет? Зелень съели богачи! Им, должно быть, понадобилась лишняя вилла за городом!

– А красный? Он весь ушел на то, чтобы подкрасить рыбок, что плавают в бассейне у фонтана.

– А с желтым знаете что сделали? Чур, только секрет! Его подлили в оливковое масло!

Наконец появился регулировщик, стал посреди перекрестка и наладил движение. Другой регулировщик подошел к распределительному щиту и отключил светофор, чтобы починить его.

Светофор последний раз сверкнул своими голубыми очами и успел подумать:

«Бедняги! А ведь я дал им сигнал: „Путь в небо свободен!“ Если б они поняли меня, то все могли бы теперь свободно летать. А может быть, они и поняли, да у них просто не хватило смелости?»»

Мышка, которая ела кошек

Одна хилая мышка, что жила в библиотеке, вздумала как-то навестить своих сородичей, которые ютились в подвале и были далеки от всего мира.

– Вы ничего не знаете про то, что делается на свете! – заявила она своим оробевшим сородичам. – Вы, наверное, даже читать не умеете?!

– Зато ты, конечно, многое знаешь! – вздохнули те.

– Ну, к примеру, вы ели когда-нибудь кошку?

– Что ты! Боже упаси! У нас все больше кошки охотятся за мышами.

Однажды со светофором, который висит на соборной площади в Милане, произошло что-то странное: все огни его вдруг окрасились голубым цветом и люди не знали, что делать – переходить улицу или не переходить? Идти или стоять?

Все глаза светофора излучали голубой свет – во все стороны только голубой свет. Таким голубым никогда не было даже небо над Миланом.

– Это потому, что вы невежды! Я же на своем веку не одну кошку съела, и, уверяю вас, ни единая даже не пискнула!

– И вкусны» бывают кошки?

– Вкусные. Только отдают немного бумагой и типографской краской. Но это пустяки! Собаку вам доводилось про-

бовать? Нет?

– Что ты, что ты?!

– А я как раз вчера съела одну. Овчарку. У нее были довольно приличные клыки, но, в общем, она преспокойно позволила съесть себя и даже не твякнула.

– И тоже было вкусно?

– Очень. Хотя тоже чуточку с бумажным привкусом. А носорога не пробовали?

– Ну что ты! Мы даже в глаза его не видели никогда! Он на что больше походит – на пармидхсанский сыр или на голландский?

– Он походит еа носорога, разумеется. А слона или монаха, принцессу или елку тоже, наверное, никогда не доводилось есть?

В этот момент кошка, которая пряталась в углу за чемоданами, с грозным мяуканьем выскочила на середину подвала. Это была самая настоящая живая кошка, с пышными усами и острыми когтями.

Мышата в один миг разлетелись по своим норкам. А библиотечная мышка, увидев ее, так удивилась, что застыла на месте, словно игрушечная. Кошка цапнула ее лапкой и стала играть с нею.

– А, это ты – та самая мышка, которая ест кошек?

– Я, ваша светлость... Вы должны понять меня...

Я ведь живу среди книг...

– О да, понимаю, понимаю! Ты ешь кошек, нарисованных,

напечатанных на бумаге...

– Иногда, и только в научных целях...

– Разумеется. Я тоже очень люблю литературу... А не кажется ли тебе, что не мешает немного поучиться и у жизни? Тогда, быть может, ты поняла бы, что не все кошки сделаны из бумаги и не все носороги позволяют мышам грызть себя.

К счастью для бедной пленницы, кошка на секунду отвлеклась – она увидела неподалеку паука, – • и ученая мышка в два счета оказалась среди своих книг. Пришлось кошке довольствоваться пауком.

Долой девятку!

Как-то раз один школьник решал примеры.

– Тринадцать разделить на три, – считал он, – будет четыре и один в остатке. Значит, четыре. Проверим. Трижды четыре – двенадцать. Плюс один – тринадцать. Теперь долой девятку...

– Вот еще! – вдруг рассердилась девятка. – Что? – удивился ученик.

– Почему это «Долой девятку!»? Что ты ко мне пристал? Что я тебе сделала? Или, может, я преступница какая?

– Но я...

– Да, да! Я знаю, ты сейчас начнешь придумывать всякие объяснения. Только меня они не устраивают. Кричи, если хочется: «Долой бульон из мясных кубиков!», «Долой полицию!» – и даже можешь сколько тебе угодно кричать: «Долой жареный воздух!» Но почему тебе взбрело в голову кричать «Долой девятку!»?

– Простите, но я только хотел...

– Не перебивай! Это неприлично. Я простая, скромная цифра. Однозначная, правда. И любая двузначная может, конечно, меня поучать. Но и у меня есть своя гордость, и я требую, чтоб меня уважали. И прежде всего дети, которым еще нужно нос вытирать. Одним словом, долой твой нос, долой что угодно, но меня, будь добр, оставь в покое!

Школьник так растерялся и испугался, что побоялся вычесть девятку из тринадцати. Пример остался нерешенным, и мальчик получил двойку.

Да, видимо, иногда бывают в жизни случаи, когда надо быть смелее и решительнее,

Тонино-невидимка

Как-то раз мальчик по имени Тонино пошел в школу, не выучив урока, и очень боялся, что учитель вызовет его.

«Эх, – подумал он, – если б я мог стать невидимкой!...»

Учитель начал урок с переключки, а когда дошел до Тонино, тот ответил:

– Я здесь.

Но никто не услышал его, и учитель, вздохнув, сказал:

– Жаль, что Тонино не пришел сегодня в школу, я как раз хотел вызвать его. Если он заболел, будем надеяться, что не серьезно.

Тут Тонино понял, что стал, как ему и хотелось, невидимкой. От радости он вскочил на парту и оттуда бухнулся прямо в корзину для бумаг. А затем стал бегать по классу, дергать ребят за волосы и опрокидывать чернильницы.

В классе поднялся шум. Все стали возмущаться и даже ссориться. Ребята обвиняли друг друга в том, чего никто из них не делал. Ведь они и не подозревали, что это проказы Тонино-невидимки.

Когда Тонино надоела наконец эта игра, он ушел из школы и сел в троллейбус. Разумеется, он и не подумал брать билет, потому что кондуктор все равно не видел его. Он нашел свободное место и преспокойно уселся там. А на следующей остановке в троллейбус вошла синьора с тяжелой сум-

кой, набитой продуктами и хотела сесть как раз туда, где сидел Тонино: она видела, что место не занято. И конечно, она села прямо на колени Тонино. Он почувствовал, что сейчас задохнется от тяжести. А синьора вскочила и закричала:

– Что за сиденья в этом троллейбусе! Даже сесть нельзя как следует! Смотрите, я кладу сумку, а она повисает в воздухе!

На самом деле сумка лежала на коленях у Тонино.

В троллейбусе заспорили, и почти все пассажиры энергично выразили свое возмущение по поводу плохой работы троллейбусной службы.

Тонино вышел в центре города, прошмыгнув в кондитерскую, подошел к прилавку и начал загребать обеими руками карамель, шоколадные конфеты и всевозможные пирожные. Продавщица, заметив, что все исчезло с прилавка, решила, что виноват в этом почтенный старый синьор, который покупал конфеты для своей тетушки. Синьор возмутился:

– Я вор?! Да знаете ли вы, с кем разговариваете?! Да знаете ли вы, кто был мой отец? Да знаете ли вы, кто был мой дед?!

– И знать не желаю! – заявила продавщица.

– Как! Вы позволяете себе оскорблять моего деда?!

Поднялся невероятный скандал. Тонино-невидимка опять направился в школу. Там он увидел, как его одноклассники гурьбой спустились по лестнице и шумной ватагой высыпали на улицу. А ребята его не видели. Тонино напрасно

старался обратить на себя их внимание – он подбегал то к одному, то к другому мальчику, дергал за волосы своего приятеля Роберто, предлагал тянучку Гвискардо... Но они не видели и не слышали его, попросту не замечали. Их взгляды проходили сквозь Тонино, словно через стекло.

Усталый и немного испуганный, Тонино вернулся домой. Мать стояла на балконе, с тревогой ожидая его.

– Я здесь, мама! – крикнул Тонино. Но она не видела его и не услышала, а продолжала с тревогой смотреть на улицу.

– Папа, вот и я! – воскликнул Тонино, войдя в комнату и усевшись на свое обычное место за обеденным столом.

Но отец не слышал его и продолжал ворчать:

– Что такое? Почему Тонино так долго нет? Не случилась ли с ним какая-нибудь беда?

– Папа, но я ведь здесь! Мама, папа, я здесь! – закричал Тонино. Но они не слышали его.

– Я не хочу больше быть невидимкой! – заплакал Тонино, и сердце у него разрывалось на части. – Хочу, чтобы отец видел меня, чтобы мама ругала меня, чтобы учитель вызывал меня отвечать урок... хочу играть с ребятами! Очень плохо быть невидимкой, очень плохо быть одному!

Грустный он вышел на лестницу и спустился во двор.

– Отчего ты плачешь? – спросил у него старик, гревшийся на солнышке возле ворот.

– Ой, вы меня видите? – обрадовался Тонино.

– Вижу, а что? Я каждый день вижу, как ты уходишь в

школу и возвращаешься домой.

– А я почему-то никогда не замечал вас.

– Знаю. На меня никто не обращает внимания. Старый, одинокий старик... С какой стати ребята будут замечать меня? Я для вас будто человек-невидимка...

– Тонино! – позвала в этот момент мать с балкона.

– Мама! Ты меня видишь?

– Ах, лучше бы я и не видела тебя, негодный мальчишка!

Поднимайся наверх! Иди-ка сюда, иди! Сейчас отец покажет тебе!

– Бегу, мама, бегу! – обрадовался Тонино.

– И ты не боишься взбучки, которая тебя ожидает? – засмеялся старик.

Тонино бросился ему на шею и расцеловал.

– Вы спасли меня!

– Ну, это уж слишком! – улыбнулся старик.

Вопросы наизнанку

Жил однажды мальчик, который очень любил задавать вопросы. Это, конечно, совсем неплохо, наоборот, даже очень хорошо, когда человек чем-то интересуется. Но на вопросы, которые задавал этот мальчик, почему-то было очень трудно ответить.

Он спрашивал, например:

– Почему у ящиков есть стол?

Люди смотрели на него с удивлением и иногда отвечали:

– Ящики существуют для того, чтобы класть в них разные вещи, например, ножи и вилки.

– Для чего нужны ящики – это я знаю, – возражал мальчик, – но вот почему у ящиков есть столы?

Люди качали головой и уходили от него. А мальчик снова спрашивал, уже у других:

– Почему у хвоста есть рыба?

Или:

– Почему у усов есть кошка?

Люди пожимали плечами и спешили уйти. Ведь у каждого есть дела.

Так мальчик и рос – что ни день, то несколько десятков вопросов. Наконец он вырос, стал взрослым и по-прежнему без конца задавал всем странные вопросы. Но люди не хотели отвечать ему. Тогда он уединился в небольшой домик,

что стоял на вершине одной горы, и стал там жить в одиночестве. Целыми днями он выдумывал вопрос за вопросом и записывал их в тетрадь. А потом сидел и ломал голову над ответами. Но почему-то так и не находил их.

Он записывал, например, в своей тетради:

«Почему у тени есть сосна?»»,

«Почему облака не пишут писем?»»,

«Почему марки не пьют пива?»».

От такого множества вопросов у него, разумеется, начинала болеть голова. Но он не обращал на это внимания. У него уже и борода отросла, а он все продолжал сочинять вопросы. Он и не подумал постричь бороду. Он только спрашивал себя:

– Почему у бороды есть лицо?

Словом, странный это был человек. Когда он умер, один ученый провел некоторые исследования и обнаружил, что, человек этот, еще когда был маленьким, привык надевать носки наизнанку, и ему так ни разу в жизни и не удалось надеть их правильно. Точно так же он так никогда и не научился задавать правильные вопросы.

Со многими людьми еще такое бывает.

Про Джильберто

Маленькому Джильберто очень хотелось поскорее всему научиться. Поэтому он всегда прислушивался к тому, что говорили взрослые.

Однажды он услышал, как одна женщина говорила другой:

– Вы только посмотрите на Филомену. Как она любит свою маму! Она готова ей воду в ушах носить.

«Прекрасные слова, – подумал добрый Джильберто. – Надо выучить их наизусть».

Вскоре его позвала мама и сказала:

– Джильберто, сходи-ка принеси мне ведро воды из фонтана.

– Сейчас, мама, – ответил Джильберто, а сам подумал: «Вот и я покажу маме, как я ее люблю. Принесу ей воды не в ведре, а в ушах!»

Подбежал он к фонтану и подставил под струю голову. И когда почувствовал, что в ухо ему налилось полно воды, поспешил обратно. Воды в ухе набралось с наперсток, и, чтобы донести ее до дома, ему пришлось наклонить голову набок.

– Ну, принес воды? – спросила мама. Она как раз собралась стирать.

– Вот, мама, – ответил запыхавшийся Джильберто.

Однако, чтобы ответить, ему пришлось выпрямиться, и

вода, что была у него в ухе, конечно, вылилась и потекла по шее. Что делать? Пришлось ему опять бежать к фонтану и наполнять водой другое ухо. Воды в нем набралось тоже ровно с наперсток, и Джильберто опять пришлось идти, прижав голову к плечу, но только теперь уже к другому. Когда же он добрался до дому, вода все равно вытекла.

– Ну, принес ты наконец воды? – спросила мама. Она уже начала сердиться.

«Может быть, у меня слишком маленькие уши?» – подумал огорченный Джильберто. А мама между тем совсем потеряла терпение. Она решила, что Джильберто бегает к фонтану баловаться, и угостила его парой оплеух – по одной на каждую щеку.

Бедный Джильберто!

Он покорно стерпел эти оплеухи и решил, что в другой раз будет носить воду в ведре.

Слово «плакать»

Этой истории еще не было, но она непременно произойдет Завтра. Вот эта история.

В тот день, который называется «Завтра», одна старая учительница построила своих учеников парами и повела их в Музей Прошлого, где собраны вещи, которые уже никому не нужны. Такие, например, как царская корона, шлейф королевы, трамвай и тому подобное.

В одной небольшой запыленной витрине лежало под стеклом слово «плакать».

Школьники Завтрашнего Дня прочитали этикетку с названием, но ничего не поняли.

- Синьора, а что это такое?
- Наверное, старинное украшение?
- Может быть, что-нибудь этрусское?

Учительница объяснила ребятам, что раньше, очень-очень давно, это слово было в большом употреблении и приносило людям много горя. Она показала при этом на небольшой стеклянный сосуд и сказала, что в нем хранятся слезы. Может быть, их пролил какой-нибудь несчастный раб, избитый хозяином, а может, какой-нибудь мальчик, оставшийся без крова.

- Слезы похожи на воду! – сказал один школьник.
- Да, но они обжигают! – ответила учительница.

– А, их, должно быть, кипятят перед употреблением! – догадался кто-то.

Нет, эти школьники совсем ничего не понимали. Под конец им стало просто скучно в этом зале. Тогда Учительница повела их дальше, в другие залы музея, где они увидели более понятные вещи: тюремную решетку, чучело сторожевой собаки, замок и так далее. Все это были вещи, которых давно уже нет в счастливейшей стране Завтрашнего Дня.

Перекормитное воспаление

Когда девочка болеет, ее куклы тоже должны болеть – за компанию, чтобы ей не было скучно. К девочке приходит врач, а к куклам – дедушка. Он осматривает их, выписывает лекарства и каждой делает очень много уколов своей шариковой ручкой.

– Знаете, доктор, этот ребенок заболел, – говорит девочка.

– Ну что ж, посмотрим, что с ним. Дышите глубже, так, так... О! Так я и думал. По-моему, у нее неплохой капризит.

– А это опасно, доктор?

– Чрезвычайно! Дайте ей микстуру из синего чернильного карандаша и растирайте перед сном фантиком от анисовой карамельки.

– А эта девочка, вам не кажется, тоже немного нездорова?

– О, да она просто совсем больна! Это видно и без бинокля!

– Ой, а что с ней?

– Гм, сейчас посмотрим... Так... Немножко простудинки, немножко грустинки и острый приступ клубничного перекормите.

– Ой, мама, как страшно! Неужели она умрет?

– Нет, это не так опасно. Но лекарство не помешает. Ей нужно дать две таблетки глупидина. Только растворите их сначала в стакане грязной воды. И смотрите, чтобы стакан

был зеленый. От красного стакана у нее могут разболеться зубы.

И вот в одно прекрасное утро девочка просыпается совсем здоровая. Доктор разрешает ей встать с постели. Но бабушка хочет осмотреть ее сама, пока мама собирает ей одежду.

– Ну что ж, посмотрим, – говорит он. – Скажи-ка! тридцать три. Так. Скажи: перепеле. А теперь попробуй что-нибудь спеть. Ну что ж, все в порядке! У тебя было типичное перекормитное воспаление.

Воскресное утро

У синьора Чезаре была привычка все делать по всем правилам. Особенно по воскресеньям, когда он вставал позже обычного. Сначала он долго бродил по квартире в одной пижаме, потом – уже часов в одиннадцать – начинал бриться, оставив при этом открытой дверь в ванной комнате.

Именно этого момента с нетерпением ждал Франческо. Ему всего шесть лет, но у него уже определилась явная склонность к медицине и хирургии. Франческо брал пакет ваты, флакон с одеколоном, пакетик с пластырем, входил в ванную и усаживался на скамеечку в ожидании, когда понадобится его помощь.

– Ну что? – спрашивал синьор Чезаре, намыливая лицо. В другие дни недели он брился электрической бритвой, но в воскресенье взбивал, как в старые времена, мыльную пену и брался за безопасную бритву.

– Ну что?

Франческо ерзал на скамеечке. Он был очень серьезен и ничего не отвечал.

– Ну?

– Я все жду, – говорил Франческо, – может, ты порежешься... Тогда я полечу тебя.

– Ладно! – соглашался синьор Чезаре.

– Только ты не режься нарочно, как в прошлое воскресение.

нье, – строго предупреждал Франческо. – Нарочно не считается.

– Ну конечно! – отвечал синьор Чезаре.

Но ему никак не удавалось порезаться нечаянно. Он старался, старался, но ничего не получалось. Как ни пытался, ничего не выходило. Он очень хотел быть невнимательным и неосторожным, но не мог. Наконец каким-то образом он все-таки ухитрялся порезать себе лицо. И тогда Франческо принимался за дело. Он стирал ваткой капельку крови, протирал ранку одеколоном и заклеивал ее пластырем.

Таким образом синьор Чезаре каждое воскресенье Дарил своему сыну капельку крови. А Франческо все больше убеждался, что у него очень рассеянный и неосторожный отец.

Как поскорее уснуть

Жила-была однажды девочка, которая каждый вечер, когда надо было ложиться спать, становилась маленькой-маленькой.

– Мама, – говорила она, – я стала муравьишкой! И мама понимала, что пора укладывать дочку в постель.

А утром девочка просыпалась, едва всходило солнце. Но она по-прежнему была маленькой-маленькой. Такой маленькой, что свободно умещалась на подушке. И еще места оставалось немного.

– Вставай! – говорила мама.

– Не могу, – отвечала девочка, – не могу, я еще слишком маленькая. Как бабочка! Подожди, пока подрасту.

А потом вдруг радостно восклицала;

– Ну вот, я и выросла!

С веселым криком вскакивала она с постели, и начинался новый солнечный день.

Прозрачный Джакомо

Как-то раз в одном далеком городе появился на свет прозрачный ребенок. Да, да, прозрачный! Сквозь него можно было смотреть, как сквозь чистую родниковую воду или воздух. Конечно, он, как и все люди, был из плоти и крови, но казалось, будто он сделан из стекла. Но когда мальчик падал, он не разбивался вдребезги. Самое большое – у него выростала на лбу огромная прозрачная шишка.

Всем хорошо было видно, как пульсирует его кровь, как бьется сердце, и все могли свободно читать мысли, которые проносились у него в голове, словно стайка разноцветных рыбок в аквариуме.

Однажды мальчик нечаянно солгал, и люди тотчас увидели, как в голове у него запылал огненный шар. Мальчик тут же поправился, сказал правду – и шар мгновенно исчез. С тех пор он ни разу за всю свою жизнь не сказал ни слова лжи.

Был еще такой случай. Один приятель доверил ему свой секрет. И все сразу же увидели, как в голове у мальчика беспокойно закрутился, завертелся черный шар. И секрет перестал быть секретом.

Прошло время, мальчик, вырос, стал юношей, потом мужчиной. Но каждый по-прежнему мог легко читать все его мысли. Ему даже не надо было вслух произносить ответ, когда его о чем-либо спрашивали.

Звали этого мальчика Джакомо, но люди называли его Прозрачный Джакомо. Его любили за честность и за то, что рядом с ним все тоже становились честными и добрыми.

Но вот в один несчастный день в стране произошел переворот, и к власти пришел жестокий тиран. Настали очень тяжелые времена. Народ страдал от казней, несправедливостей и нищеты. Те люди, которые осмеливались протестовать против насилия, сразу же бесследно исчезали. Тех же, кто открыто восставал против убийств, немедленно расстреливали. А остальных, запуганных и униженных, тоже преследовали всеми способами.

Люди молчали и в страхе терпели все. Но Джакомо не мог молчать. Потому что, даже когда он ни слова не произносил, за него говорили его мысли. Ведь он был прозрачным, и окружающие могли свободно читать их: все видели, как возмущается он несправедливостью и насилием и шлет проклятия тирану. Народ тайком повторял мысли Джакомо и стал постепенно обретать надежду.

Узнав про это, тиран приказал немедленно арестовать Прозрачного Джакомо и бросить в самую темную тюрьму.

И тогда случилось невероятное. Стены камеры, в которую заключили Джакомо, тоже вдруг стали прозрачными, потом стали прозрачными стены коридора, а затем и наружные стены тюрьмы – вся тюрьма стала словно стеклянная! И люди, проходившие мимо, видели Джакомо, сидевшего в своей камере, и по-прежнему могли читать его мысли.

А ночью тюрьма стала излучать такой яркий свет, что тиран приказал опустить в своем дворце все шторы, чтобы свет не беспокоил его. Но все равно он не мог спать спокойно: Прозрачный Джакомо, даже закованный в цепи, посаженный в самую темную тюрьму, был сильнее тирана.

Это потому, что правда сильнее всего на свете – она ярче дневного света, сильнее любого урагана.

Мартышки-путешественницы

Однажды мартышки, что живут в зоопарке, решили отправиться в путешествие, чтобы пополнить свое образование. Шли они, шли, а потом остановились, и одна из них спросила!

– Итак, что же мы видим?

– Клетку льва, бассейн с моржами и дом жирафа, – ответила другая.

– Как велик мир! И как полезно путешествовать! – решили мартышки.

Они двинулись дальше и присели передохнуть только в полдень.

– "Что же мы видим теперь?"

– Дом жирафа, бассейн с моржами и клетку льва!

– Как странен этот мир! Впрочем, путешествовать, конечно, полезно.

Они снова тронулись в путь и завершили путешествие только на заходе солнца.

– Ну, а теперь что мы видим?

– Клетку льва, бассейн с моржами и дом жирафа!

– Как скучен этот мир! Все время одно и то же. Хоть бы какое-нибудь разнообразие! Нет никакого смысла странствовать по свету!

Еще бы! Путешествовать-то они путешествовали, да толь-

ко не выходя из клетки, – вот и кружились на одном месте, словно лошадка на карусели.

Один и семеро

Я знал одного мальчика... Но это был не один мальчик, а семеро. Как это может быть? Сейчас расскажу.

Жил он в Риме, звали его Паоло, и отец его был вагоновожатым.

Нет, нет, жил он в Париже, звали его Жан, и отец его работал на автомобильном заводе.

Да нет же, жил он в Берлине, звали его Курт, и отец его был виолончелистом.

Что вы, что вы... Жил он в Москве, звали его Юрой, точно так же, как Гагарина, и отец его был каменщиком и изучал математику.

А еще он жил в Нью-Йорке, звали его Джимми, у отца его была бензоколонка.

Сколько я вам уже назвал? Пятерых. Не хватает двоих.

Одного звали Чу, жил он в Шанхае, и отец его был рыбаком. И наконец, последнего мальчика звали Пабло, жил он в Буэнос-Айресе, и отец его был маляром.

Паоло, Жан, Курт, Юра, Джимми, Чу и Пабло – мальчиков семеро, но все равно это один и тот же мальчик.

Ну и что же, что у Пабло темные волосы, а у Жана светлые. Неважно, что у Юры белая кожа, а у Чу – желтая. Разве это так важно, что Пабло, когда приходил в кино, слышал там испанскую речь, а для Джимми экран разговаривал по-

английски. Смеялись же они все на одном языке.

Потому что это был один и тот же мальчик: ему было восемь лет, он умел читать и писать и ездил на велосипеде, не держась за руль.

Теперь все семь мальчиков выросли. Они никогда не станут воевать друг с другом, потому что все семь мальчиков – это один и тот же мальчик.

Про человека, который хотел украсть Колизей

Как-то раз одному человеку взбрело в голову украсть знаменитый римский Колизей. Он захотел, чтобы Колизей принадлежал только ему. «Почему, – недоумевал он, – я должен делить его со всеми? Пусть он будет только моим!» Он взял большую сумку и отправился к Колизею. Там он подождал, пока сторож отошел в сторонку, быстро набил сумку камнями из развалин древнего здания и понес домой.

На другой день он проделал то же самое. И с тех пор каждое утро, кроме воскресенья, он совершал по крайней мере два, а то и три таких рейса, всякий раз стараясь, чтобы сторожа не заметили его. В воскресенье он отдыхал и пересчитывал украденные камни, которые грудой лежали в подвале.

Когда же подвал весь был забит камнями, он стал сваливать их на чердаке. А когда и чердак заполнился до отказа, то стал прятать камни под диваны, в шкафы и даже в корзину для грязного белья.

Каждый раз, приходя к Колизею, он внимательно осматривал его со всех сторон и думал: «Он кажется все таким же огромным, но некоторая разница все же есть! Вон там и вот тут уже немного меньше камней осталось!»

Он вытирал пот со лба и выковыривал из стены еще один

кирпич, выбивал из арки еще один камень и прятал их в сумку. Мимо него проходили толпы туристов с открытыми от восхищения и изумления ртами. А он ухмылялся про себя: «Удивляетесь? Ну-ну! Посмотрю-ка я, как вы будете удивляться, когда в один прекрасный день не найдете здесь Колизея!»

Порой случалось ему заходить в табачную лавку – а в табачных лавках в Италии всегда продают открытки с изображением достопримечательностей. Когда он смотрел на открытки с видами старинного амфитеатра Колизея, то всегда приходил в хорошее настроение. Правда, он тут же спохватывался и притворялся, будто сморкается, чтобы не увидели, как он смеется: «Ха-ха-ха! Открытки! Подождите, скоро только открытки и останутся вам на память о Колизее!»

Шли месяцы, годы. Украденные камни громоздились теперь под кроватью, заполнили кухню, оставив лишь узкий проход к газовой плите. Камнями была завалена ванная, а коридор превратился в траншею.

Но Колизей по-прежнему стоял на своем месте и пострадал от воровства не больше, чем от комариного укуса. Бедняга вор сильно постарел за это время и пришел в отчаяние. «Неужели, – думал он, – неужели я ошибся в своих расчетах? Наверное, легче было бы украсть купол собора Святого Петра! Ну да ладно, надо набраться мужества и терпения. Взяться за дело – надо доводить его до конца».

Однако каждый поход к Колизею давался ему теперь

нелегко. Сумка оттягивала руки, а они были к тому же сплошь в ссадинах. И когда однажды он почувствовал, что жить ему осталось недолго, он в последний раз пришел к Колизею и, с трудом карабкаясь по скамьям амфитеатра, забрался на самый верх. Заходящее солнце окрашивало древние руины золотом и багрянцем. Но старик ничего не видел, потому что слезы застилали ему глаза. Он надеялся, что побудет здесь, на верху, в одиночестве, но на террасу тут же высыпала толпа туристов. На разных языках выражали они свой восторг. И вдруг среди множества голосов старый вор различил звонкий детский голосок какого-то мальчика: «Мой! Мой Колизей!»

Как фальшиво, как неприятно звучало это слово здесь, среди самой красоты! Только теперь старик понял это и даже захотел было сказать об этом мальчику, захотел научить его говорить «наш» вместо «мой». Но сил у него уже не хватило.

Лифт к звездам

Когда Ромолетто исполнилось тринадцать лет, его взяли на работу в бар «Италия». Он служил мальчиком на побегушках. Это значит, что он должен был выполнять всякие мелкие поручения и разносить заказы по домам. Целыми днями Ромолетто носился взад-вперед по улицам, поднимался и спускался по лестницам разных домов, держа поднос, уставленный множеством рюмок, чашек и стаканов.

Больше всего не любил Ромолетто лестницы. В Риме, так же как и во многих других городах на земле, лифтеры очень ревниво оберегают свои лифты и стараются, чтобы ими поменьше пользовались, особенно мальчики из бара, молочницы, продавцы фруктов и все другие простые люди. Они либо сами стоят на страже у лифта, либо вывешивают разные грозные предупреждения.

Однажды утром в бар позвонили из квартиры четырнадцать в доме сто три и потребовали четыре кружки пива и чай со льдом.

– Только немедленно, иначе я выброшу все это за окно! – добавил сердитый голос. Это был старый маркиз Венанцио, тот самый, что наводил ужас на поставщиков продуктов.

В доме сто три лифт оберегался особенно тщательно, но Ромолетто знал, как можно обмануть бдительность лифтерши, дремавшей в своей сторожке. Он незаметно проскольз-

нул в кабину, опустил в щель пускового автомат^ пять лир, нажал кнопку пятого этажа, и лифт со скрипом двинулся вверх. Вот второй этаж, вот третий. А после четвертого этажа лифт, вместо того чтобы замедлить ход, вдруг ускорил движение, проскочил мимо площадки пятого этажа и, прежде чем Ромолетто успел удивиться, поднялся так высоко, что весь Рим уже раскинулся у него под ногами. А лифт все мчался вверх. Со скоростью ракеты неся он к небу, голубому-голубому, до черноты.

– Прощайте, маркиз Венанцио! – прошептал Ромолетто, чувствуя, как у него мурашки пробегают по коже. Левой рукой он по-прежнему держал в равновесии поднос со стаканами, и это было довольно смешно, потому что лифт уже уносился в межпланетное пространство, и Земля голубела далеко внизу в бездонной глубине космоса. Она вертелась вокруг своей оси, все дальше и дальше унося злого маркиза Венанцио, который ждал пива и чая со льдом.

«По крайней мере хоть не с пустыми руками явлюсь к марсианам!» – решил Ромолетто и зажмурился. Когда же он открыл глаза, лифт уже опускался, и Ромолетто с облегчением вздохнул.

«В конце концов, чай все равно холодный», – подумал мальчик.

Но оказалось, что лифт опустился в самой чаще какого-то тропического леса, и Ромолетто сквозь стекла кабины увидел, что его окружают лохматые бородатые обезьяны.

Они возбужденно показывали на него пальцами и невероятно быстро говорили что-то на каком-то непонятном языке. «Наверное, я попал в Африку!» – подумал Ромолетто.

Тут обезьяны вдруг расступились, и он увидел огромного шимпанзе в синем мундире, который ехал навстречу ему на гигантском трехколесном велосипеде. «Полиция! Спасайся, Ромолетто!» Не теряя ни секунды, мальчик из бара «Италия» нажал первую же попавшуюся кнопку. И лифт полетел вверх со сверхзвуковой скоростью. Когда он унесся уже далеко, Ромолетто взглянул вниз и понял, что планета, от которой он удирал, никак не могла быть Землей: ее моря и континенты были совсем других очертаний, чем на школьной географической карте. К тому же Земля сверху выглядела голубым шариком, а эта планета была то зеленой, то фиолетовой.

– Наверное, это Венера! – решил Ромолетто. – Но что я скажу маркизу Венанцио?

Он потрогал кружки на подносе – они были такими же холодными, как и в тот момент, когда он вышел из бара. В общем-то, если разобраться, с тех пор прошло, наверное, минут пять, не больше.

Лифт с невероятной скоростью пронесся через громадное пустынное пространство и снова стал снижаться. На этот раз Ромолетто сразу понял, что его ждет: «Только этого не хватало! На Луну прилетел! Что мне тут делать?»

Между тем знаменитые лунные кратеры приближались с фантастической быстротой. Ромолетто уже потянулся было

к панели с кнопками, но тут ему пришла в голову неплохая мысль. «Стоп! – приказал он себе. – Прежде чем нажать кнопку, надо подумать!» Он внимательно рассмотрел панель. Рядом с каждой кнопкой стояла какая-нибудь цифра. И только последняя кнопка внизу светилась красной буквой «З». Наверное, это и есть Земля!

«Попробуем», – вздохнул Ромолетто. Он нажал эту кнопку, и лифт тотчас же изменил направление. А спустя несколько минут он уже оказался над Римом, над крышей дома сто три, пролетел мимо лестничных площадок и приземлился возле знакомой лифтерши, которая, конечно, даже не догадывалась, в каком межпланетном путешествии побывал Ромолетто, и продолжала спокойно дремать.

Ромолетто выскочил из кабины, даже не захлопнув за собой дверь, и пешком поднялся по лестнице на пятый этаж. Он постучал в дверь квартиры четырнадцать и, опустив голову, молча выслушал сердитого маркиза Венанцио:

– Ну, где ты пропадал столько времени?! Ведь с тех пор, как я заказал это проклятое пиво и этот распроклятый чай, прошло уже пятнадцать минут! На твоём месте Гагарин давно уже был бы на Луне!

«И даже дальше!» – подумал Ромолетто, но промолчал. К счастью, напитки были еще холодными ровно настолько, насколько нужно было.

Да, немало приходится побегать по лестнице за целый день мальчику из бара «Италия», который разносит заказы

ПО ДОМАМ...

Знаменитый дождь в Пьомбино

Однажды в Пьомбино дождем посыпались с неба конфеты. Конфеты падали большие, словно градины, но не белые, а разноцветные – красные, зеленые, голубые, фиолетовые. Один мальчик взял в рот зеленую конфету – просто так, чтобы попробовать, и обнаружил, что она мятная. А другой попробовал красную, и оказалось, что конфета земляничная.

– Да это настоящие конфеты! Самые настоящие! – обрадовались ребята и бросились набивать себе ими карманы. Но сколько ни собирали, конфет меньше не становилось – они по-прежнему дождем сыпались с неба.

Дождь этот шел недолго, и все же улицы в городе сплошь покрылись, словно ковром, душистыми конфетами, которые похрустывали под ногами, как мелкие льдинки. Ребята, возвращавшиеся из школы тоже успели наполнить сладостями свои портфели. И старушки несли домой узелки с конфетами.

Это был великолепный праздник!

До сих пор люди ждут, что с неба опять посыплются конфеты, но облако, из которого они сыпались дождем, больше не появлялось ни над Пьомбино ни над Турином и, вероятно, никогда не пройдет даже над Кремоной,

Человечек из ничего

Жил однажды человечек из ничего. У него был нос из ничего, рот из ничего, он ни во что не был одет и носил ботинки из ничего. Отправился как-то раз человечек из ничего по какой-то несуществующей улице, которая никуда не вела. Встретил мышку из ничего и спросил у нее:

– Ты не боишься кошек?

– Ничуть! – ответила мышка из ничего. – В этой стране из ничего есть только кошки из ничего, у которых усы из ничего и когти из ничего. Кроме того, я люблю сыр. Правда, я ем только дырки. Они ничем не пахнут, но сладкие.

– У меня кружится голова, – сказал человечек из ничего.

– Потому что твоя голова из ничего. Даже если ты станешь биться головой о стену, тебе не будет больно.

Человечек из ничего, решив попробовать, нашел стену, чтобы удариться о нее головой, но это была стена из ничего, и так как он слишком сильно разбежался, то упал по другую сторону стены. А там тоже совсем ничего не было.

Человечек из ничего так устал от всего этого ничего, что заснул. И во сне он увидел, что он был человечком из ничего и шел по несуществующей дороге, встретил мышку из ничего и даже ел дырки от сыра, и мышка из ничего была права: они действительно ничем не пахли.

Движущийся тротуар

На планете «Би» изобрели движущийся тротуар. Он тянется по всему городу и похож на эскалатор, только это не лестница, а тротуар. Двигается он медленно, чтобы люди успевали рассмотреть витрины и не падали, ступая на тротуар и сходя с него. На этом тротуаре есть даже скамейки для тех, кто хочет гулять сидя. Особенно удобно это для стариков и для синьор, которые носят тяжелые хозяйственные сумки. Когда старичкам надоедает сидеть в сквере и смотреть без конца на одно и то же дерево, они отправляются гулять на движущемся тротуаре. Им там очень удобно и хорошо. Кто читает газету, кто курит сигару... Словом, люди отдыхают.

Благодаря изобретению этого движущегося тротуара на планете «Би» уничтожены все трамваи, троллейбусы и автомобили. Так что улицы теперь свободны и служат только для того, чтобы ребята играли там в футбол. А если какой-нибудь городской стражник вздумает отобрать у них мяч, то его за это тотчас же оштрафуют.

Троллейбус номер

Однажды утром троллейбус номер 75, который ходит от Монтверде Веккьо до площади Фьюме, вместо того чтобы спуститься к Трастевере, направился совсем в другую сторону. Он повернул к Джаниколо, затем свернул на старую дорогу Аурелия Антика и через несколько минут уже мчался, словно очумелый от весеннего солнца заяц, по полям, что раскинулись в предместье Рима.

В это время пассажирами троллейбуса были, как обычно, служащие. Все они читали газеты. Даже те, которые не покупали их, – они читали через плечо соседа. Вдруг один сеньор, переворачивая страницу, взглянул случайно в окно и страшно удивился:

– Кондуктор, что случилось? Куда мы едем? Это какое-то самоуправство!

Другие пассажиры тоже оторвались от газет и тоже возмутились:

– Что думает водитель?

– Да он сошел с ума! Свяжите его! – Что за обслуживание!

– Но отсюда рукой подать до Чивитавеккья, а там уже начинаются загородные дачи!

– Боже мой! Уже без десяти девять, а ровно в девять я должен быть в суде! – воскликнул адвокат. – Если я проиграю процесс, я подам в суд на троллейбусное управление.

Кондуктор и водитель отбивались как могли. Они заявили, что ничего поделать не могут: троллейбус больше не повинуется им и сам едет куда вздумается. Действительно, в этот момент троллейбус сошел с дороги, проехал по полю и остановился на лужайке у небольшого лесочка, благоухающего свежей зеленой листвой.

– Ой, цикламены! – радостно воскликнула одна синьора.

– Самый раз сейчас думать о цикламенах! – рассердился адвокат.

– А знаете, что я вам скажу, – возразила синьора, – пусть я приеду в свое министерство с опозданием... Мне, конечно, за это снимут голову... Но раз уж мы тут, я хочу нарвать цикламенов! Уже десять лет, как я не собирала цветов!

Она вышла из троллейбуса, вдохнула всей грудью чистый, свежий воздух этого удивительного утра и стала собирать цветы.

Видя, что троллейбус и не думает никуда уезжать, Один за другим вышли на полянку и другие пассажиры. Одни – чтобы размять ноги, другие – выкурить сигарету. И вскоре плохое настроение растаяло, как туман на солнце. Кто-то сорвал маргаритку и сунул ее в петличку, а кто-то нашел совсем еще зеленую ягоду земляники и радостно закричал:

– Это я нашел ее! Смотрите, я оставлю здесь записку и, когда земляничка созреет, приду и сорву ее! И пусть только кто-нибудь посмеет тронуть ее!

Он и в самом деле вырвал из записной книжки листок,

наколел его на прутик и воткнул в землю рядом с земляничкой. На листке большими буквами было написано: «Доктор Джулио Боллати».

Два чиновника из министерства образования скомкали свои газеты в большой бумажный шар и стали играть в футбол. И всякий раз, когда ударяли по мячу, громко кричали: – Шайбу!

Словом, пассажиры уже несколько не походили больше на тех серьезных и солидных людей, которые минуту назад готовы были разорвать на части водителя и кондуктора. А те между делом поделились друг с другом завтраком и устроили небольшой пикник на свежем воздухе.

– Смотрите! – закричал вдруг адвокат.

Троллейбус тронулся с места и медленно двинулся с полянки. Пассажиры еле-еле успели на ходу вскочить в него. Последней оказалась синьора с цикламенами. Она возмущалась:

– Ну разве так можно! Я только начала собирать цветы и отдыхать!...

– Сколько времени мы уже здесь? – спросил кто-то.

– Ух, наверное, очень долго!

И все посмотрели на свои часы. Как странно: часы показывали всего без десяти девять! Видно, пока длилась эта маленькая загородная прогулка, стрелки часов стояли. Это было время, просто подаренное людям.

– Но этого не может быть! – изумлялась синьора, которая

любила цикламены.

А троллейбус снова шел по своему маршруту и уже сворачивал на улицу Дандоло.

Удивлялись все. А ведь каждый держал перед глазами газету, где на самом верху страницы ясно была обозначена дата – 21 марта, день весеннего равноденствия.

В первый день весны все возможно!

Страна, где живут одни собаки

Была когда-то на свете очень маленькая и очень странная страна. Она вся состояла из девяноста девяти домиков. У каждого домика был маленький садик, окруженный забором, и за каждым забором жила собака. И каждая лаяла.

Возьмем, к примеру, домик номер один. Здесь жил пес по кличке Верный. Он ревниво охранял свой домик от соседей, и, чтоб никто не подумал, будто он плохо несет свою службу, он долго и громко лаял всякий раз, когда мимо проходили жители других девяноста восьми домиков, независимо от того, кто шел: женщина, мужчина или ребенок. Точно так же поступали другие девяноста восемь собак. Так что, сами понимаете, забот у них было много: лаять приходилось с утра до вечера и даже ночью, потому что всегда ведь кто-нибудь шел по улице.

А вот другой пример. Синьор, который жил в домике номер девяноста девять, возвращаясь с работы, должен был пройти мимо всех девяноста восьми домиков, а следовательно, и мимо девяноста восьми собак, которые лаяли ему вслед, показывая клыки и давая понять, что охотно вцепились бы в его брюки. То же самое происходило с жителями других домиков, так что на улице всегда кто-нибудь дрожал от страха.

Ну а теперь представьте себе, что творилось, когда в эту

страну попадал какой-нибудь чужеземец. Тогда лаяли сразу все девяносто девять собак, все девяносто девять хозяев выходили на крыльцо посмотреть, что случилось, а потом торопливо возвращались в дом, запирали дверь, спешно опускали ставни и си-Дели тихо-тихо, подглядывая в щелочку за незнакомцем, пока он проходил мимо.

От непрерывного собачьего лая жители этой страны постепенно оглохли и почти перестали разговаривать друг с другом. Впрочем, им и не о чем было говорить между собой. Мало-помалу, сидя так все время молча, насупившись, они вообще разучились говорить. Ну, и в конце концов случилось так, что хозяева домиков сами тоже стали лаять, как собаки. Возможно, они думали при этом, что разговаривают по-человечески, но на самом деле, когда они открывали рот, слышалось только что-то вроде «гав-гав!» – и от этого мурашки пробегали по коже. Так и повелось в той стране: лаяли собаки, лаяли мужчины и женщины, лаяли дети, когда играли во дворе. И девяносто девять домиков превратились в девяносто девять собачьих конур.

Однако с виду домики были аккуратными, на окнах висели чистые занавесочки, за стеклами виднелась герань и были даже другие цветы – на балконах.

Однажды в этой стране оказался Джованнино-Бездельник. Он забрел туда, совершая одно из своих знаменитых путешествий. Девяносто девять собак встретили его концер-

том, от которого даже каменная тумба могла бы превратиться в неврастеника! Джованнино что-то спросил у одной женщины, и та ответила ему лаем. Он сказал что-то ласковое какому-то малышу и услышал в ответ глухое рычание.

– Я понял! – сказал Джованнино-Бездельник. – Это эпидемия!

Тогда он пришел к самому главному городскому начальнику и сказал:

– Я знаю хорошее средство от вашей болезни. Прежде всего прикажите уничтожить все заборы – сады отлично будут цвести и без них. Во-вторых, отправьте всех собак на охоту – они развлекутся немного и станут добрее. В-третьих, устройте большой бал, и после первого же вальса все жители снова научатся говорить по-человечески.

– Гав-гав! – ответил ему начальник.

– Я понял! – сказал Джованнино. – Самый тяжелый больной тот, который думает, что он здоров, – и отправился путешествовать дальше.

Если вы услышите ночью, что где-то лает несколько собак, может статься, это и настоящие собаки, но может оказаться, что это лают жители той самой маленькой страны.

Бегство Пульчинеллы

Во всем старом кукольном театре не было куклы беспокойнее Пульчинеллы. Всегда-то он был чем-то недоволен и вечно с кем-нибудь спорил. То в самый разгар репетиции ему вдруг хотелось пойти погулять, то он сердился на хозяина-кукольника за то, что ему дали комическую роль, а не трагическую, которая ему была больше по душе.

– Знаешь, – признавался он Арлекину, – в один прекрасный день я возьму и убегу!

Он так и сделал. Только случилось это не днем, а ночью. Как только все уснули, он взял ножницы, которые хозяин забыл спрятать в шкаф, перерезал одну за другой все нитки, привязанные к его голове, к рукам и ногам, и предложил Арлекину:

– Бежим вместе!

Но Арлекин не мог расстаться с Коломбиной. Он и слышать не хотел об этом! А Пульчинелла не хотел брать с собой эту кривляку, которая в каждой пьесе только и делала, что насмехалась над ним.

– Ладно, пойду один, – решил Пульчинелла. Он храбро прыгнул на пол и пустился наутек, да так, что только пятки засверкали.

«Какая прелесть, – думал он, – какое удовольствие не чувствовать на руках и на ногах этих проклятых ниток! Как при-

ятно ступать туда, куда самому хочется, а не куда велит хозяин!»

Для одинокой деревянной куклы мир огромен и страшен. В нем так много, особенно по ночам, свирепых кошек, которые запросто могут принять любое существо, бегущее в темноте, за мышь и сцапать своими страшными когтями. Правда, Пульчинелле удалось убедить кошек и котов, что они имеют дело с истинным артистом, но потом он на всякий случай все-таки спрятался в каком-то садике, прислонился к забору и заснул.

На рассвете он проснулся и понял, что очень голоден. Он огляделся по сторонам, но вокруг, насколько хватало глаз, не было ничего, кроме гвоздик, тюльпанов, цинний и гортезий.

– Ну что же, ничего не поделаешь, – решил Пульчинелла и, сорвав гвоздику, стал нерешительно обкусывать с нее лепестки.

Конечно, эта еда не шла ни в какое сравнение с бифштексом или хорошим куском филе из окуня. Цветы очень ароматны, но почти не имеют вкуса. И все же травянистый вкус гвоздики показался Пульчинелле восхитительным вкусом свободы, а после второго лепестка он готов был поклясться, что никогда еще не ел более замечательного блюда. И он решил навсегда остаться в этом саду.

Спал он под защитой большой магнолии, жесткие листья которой укрывали его от дождя и града, а питался цветами:

сегодня – гвоздикой, а завтра – розой... И во сне и наяву ему мерещились горы спагетти и равнины свежего ароматного сыра, но он крепился и не сдавался.

Солнце и ветер вскоре иссушили дерево, из которого он был сделан. Пульчинелла стал сухим-сухим, но зато таким ароматным, что пчелы, летевшие за нектаром, иногда принимали его за цветок. Они опускались на его деревянную головку и старались добраться своим жалом до желанного лакомства. Но ничего не выходило, и они улетали разочарованные.

Между тем наступила зима. Опустевший сад ожидал первого снега. Бедный Пульчинелла стал голодать. И если вы думаете, что он мог бы отправиться куда-нибудь в другое место, то ошибаетесь – на маленьких деревянных ножках далеко не уйдешь!

«Ну что же, – сказал про себя Пульчинелла, – раз так, умру здесь. Не такое уж это плохое место, чтобы умереть. Но если я и умру, то умру свободным. Никто больше не сможет привязать нитки к моей голове и дергать ее, никто не заставит меня кивать в знак согласия, когда я совсем не согласен».

А потом пошел первый снег и прикрыл Пульчинеллу мягким белым одеялом. Весной на том месте, где лежал Пульчинелла, выросла гвоздика. А Пульчинелла, укрытый землей, спокойный и счастливый, думал» «Ну вот, над моей головой выросла гвоздика. Может ли кто-нибудь быть счастливее меня?»

Пульчинелла не умер, потому что деревянные куклы не умирают. Он лежит в том саду, и никто об этом не знает. И если вы случайно найдете его, то не привязывайте нитку к его голове. Королям и королевам из кукольных театров такие нитки не мешают, а вот он, Пульчинелла, их просто терпеть не может.

Солдатское одеяло

Когда кончились все войны, солдат Винченцо ди Джакомо вернулся домой. Вернулся он в рваной армейской форме, с сильным кашлем и с солдатским одеялом на плече. Кашель и одеяло – вот и все, что он заработал за долгие годы войны.

Но кашель не давал ему ни минуты покоя и очень скоро свел в могилу. Жене и детям осталось от солдата только старое одеяло. Ребят было трое. Самому младшему, тому, что родился между двумя войнами, только-только исполнилось пять лет. Солдатское одеяло досталось ему.

Каждый день, ложась спать, мальчик укрывался отцовским одеялом, а мама принималась рассказывать ему одну и ту же бесконечную сказку. В сказке говорилось про фею, которая ткала большое одеяло, такое большое, что им могли укрыться все дети, что дрожат от холода на нашей земле. Но всегда получалось так, что какому-нибудь мальчику его не хватало, и он плакал и тщетно просил хоть самый краешек одеяла, чтобы согреться.

И тогда фея распускала старое одеяло и принималась ткать новое, побольше, потому что оно обязательно должно быть целым. Добрая фея работала день и ночь, она ткала и ткала, не зная усталости, и малыш засыпал, так и не услышав, чем кончалась сказка. Он так ни разу и не узнал, удалось ли фее соткать такое одеяло, чтобы его хватило на всех.

Малыша звали Дженнаро, и жил он вместе с семьей неподалеку от Кассино. Зимы там холодные, а эта выдалась еще и голодная. Вдобавок ко всему заболела мама. Что делать? И тогда отдали Дженнаро знакомым, которые прежде были их соседями, а теперь стали просто бродягами. У этих людей был старый фургон, и они ездили в нем по всей округе – где милостыню попросят, где поиграют на шарманке, а где продадут ивовые корзинки, которые плели во время своих долгих странствий.

Дженнаро дали клетку с попугаем. Он клювом вытаскивал из ящика билетки с числами, которые вроде бы могли выиграть в лотерее. Дженнаро должен был показывать попугая людям, и те могли за несколько грошей получать от попугая такой билетик.

Дни тянулись долгие и скучные. Случалось, они попадали в села, где люди были такие бедные, что и милостыню подать не могли, и тогда Дженнаро доставался совсем маленький кусочек хлеба и совсем немного пустого супа в миске. Зато ночью, когда мальчик укладывался спать и закутывался в старое отцовское одеяло – оно было самым главным его богатством, – он сразу же сладко засыпал, и ему снился попугай, который рассказывал сказки.

Один из тех бродяг, что приютили Дженнаро, когда-то воевал вместе с его отцом. Он полюбил мальчика, как родного, рассказывал ему разные истории и между делом учил его читать всякие надписи, что встречались по пути – названия

городов и деревень.

– Смотри! Это буква «А». А вот эта буква, похожая на калитку с покосившейся перекладиной, – «И». Эта палка с кривой ручкой – «Р».

Дженнаро все схватывал на лету. Бродяга купил ему тетрадь и карандаш и научил списывать надписи. Дженнаро целые страницы исписывал ими. Писал, например, Анкона или Пезаро. И наконец настал день, когда он сам без всякой помощи смог написать свое собственное имя – букву за буквой, без единой ошибки. Какие же прекрасные сны снились ему в ту ночь, когда он уснул, завернувшись в старое солдатское одеяло своего отца!

И как хороша эта история, хотя она и не закончилась, а так и обрывается на полуслове, словно в конце предложения вместо точки поставлен восклицательный знак.

Колодец в Кашина Пиана

На полпути от Саронно к Леньяно на опушке огромного леса находится совсем маленькая деревушка Кашина Пиана. В ней всего три домика, и живет в них одиннадцать семей. В Кашина Пиана был колодец, только не совсем обычный, даже странный колодец, потому что ворот, чтобы наматывать веревку или цепь, у него был, а вот ни веревки, ни цепи, чтобы поднимать ведро с водой, не было.

Каждая из одиннадцати семей держала дома рядом с ведром свою собственную веревку. И если кто-нибудь шел за водой, то брал не только ведро, но и веревку. Набрав воды, он отвязывал ее и обязательно уносил домой. Один колодец и одиннадцать веревок. А не верите, так пойдите туда, и вам расскажут про это точно так же, как рассказали мне.

Дело в том, что одиннадцать семей жили недружно, все время ссорились. И вместо того чтобы купить всем вместе хорошую крепкую цепь для колодца, готовы были вообще засыпать его землей.

Но вот началась война, и все мужчины из Кашина Пиана ушли воевать, оставив женам много разных советов, в том числе наказ беречь веревку и следить, чтобы ее не стащили.

А потом страну заняли враги. Мужчины все еще воевали и партизанили. Тяжело было женщинам, но каждая по-прежнему ревниво оберегала свою веревку.

Как-то раз один мальчик пошел в лес за хворостом и вдруг услышал, что в кустах кто-то стонет. Это оказался партизан, раненный в ногу. Мальчик побежал за матерью.

Женщина сначала испугалась, а потом сказала:

– Принесем его домой, спрячем. Будем надеяться, что кто-нибудь так же поможет в беде и твоему отцу.

Ведь мы даже не знаем, где он сейчас и жив ли еще!

Они спрятали партизана в сарае и послали за врачом, сказав, что заболела бабушка. Но соседки еще Утром видели эту старую бабушку – она была здоровехонька, сновала по двору, как курочка! – и догадались, что тут что-то не так.

Не прошло и дня, как вся деревня уже знала о раненом партизане, который прячется в амбаре у Катерины. Один старик струсил.

– Если враги узнают про это, – сказал он, – они всех нас убьют!

Но женщины не испугались. Они только тяжело вздыхали, думая о своих мужьях, о том, что те, может быть, тоже ранены и так же скрываются где-нибудь. На третий день одна женщина взяла кружок свиной колбасы, пришла к Катерине и сказала:

– Бедняге надо поправиться. Дай ему эту колбасу. А потом заглянула еще одна женщина, принесла

бутылку вина. За ней пришла третья – с мешочком муки, затем четвертая – с куском сала. До вечера все женщины деревни побывали в доме Катерины, и каждая что-нибудь при-

носила для партизана. А уходя, все они утирали глаза платками.

Вскоре партизан поправился, вышел на улицу погреться на солнышке, увидел колодец без веревки и очень удивился: почему так? Женщины покраснели от стыда. Они хотели объяснить, что у каждой семьи своя веревка. А что тут еще скажешь? Можно было, наверное, объяснить, что все они в ссоре, но теперь-то это было уже не так, потому что все они, вместе заботясь о партизанах, вместе помогая ему, сами того не замечая, стали друзьями. Разумеется, теперь не было никакой нужды держать одиннадцать веревок.

Женщины собрали деньги, купили цепь и привязали ее к вороту. Партизан достал из колодца ведро воды, и это было похоже на открытие памятника.

В тот же вечер партизан, совсем уже выздоровевший, ушел в горы добивать врага.

Про старого каменщика

Пришел я однажды в приют для престарелых чтобы повидать одного знакомого – старого каменщика. Мы не виделись уже много лет.

– Где же ты был так долго? – спросил он меня. – Может, путешествовал?

– Путешествовал, – ответил я. – Был в Париже.

– О, Париж! Я тоже там был много лет назад. Мы строили тогда великолепное здание на берегу Сены. Интересно, кто сейчас там живет? А где ты еще был?

– В Америке.

– В Америке? Я тоже там был много лет назад. Даже не вспомнить теперь когда. Я был в Нью-Йорке, в Буэнос-Айресе, в Сан-Паоло, в Монтевидео. Мы строили там высокие здания... А в Австралии ты не был?

– Нет еще.

– А я был. Я был тогда совсем молодым и еще не работал каменщиком. Я только подносил ведра с раствором и просеивал песок. Мы строили дачу одному синьору. Это был хороший синьор. Помню, однажды он спросил меня, как готовят спагетти, и все, что я указал ему, записал себе в книжечку. А в Берлине ты бывал?

– Нет еще.

– А я там был, когда тебя еще на свете не было! Прекрас-

ные здания мы там строили, хорошие, крепкие дома. Интересно, целы ли они еще? А в Алжире бывал? В Египте? В Каире?

– Как раз этим летом хочу поехать туда.

– Ну, там ты повсюду увидишь прекрасные дома. Я не хочу хвастаться, но мои стены всегда были очень хорошо сложены, и крыши мои никогда не протекали.

– Много же вы построили домов!

– Да, порядком. По всему свету пришлось поездить...

– А себе построили?

– Ну, где там! Сапожник, как известно, всегда без сапог!

Видишь, живу в приюте. Вот как бывает на свете!

Да, так еще бывает на свете, но это очень несправедливо.

Планета Правды

Эта страничка целиком переписана из учебника истории, по которому учатся ребята в школах на планете Мун, и рассказывает она о великом ученом по имени Брун (надо заметить, что там все слова оканчиваются на «ун». Там, например, говорят не «луна», а «лунун», не «суп», а «супун» и так далее). Вот она, эта страничка:

«**БРУН**, изобретатель, живший две тысячи лет назад, в настоящее время находится в холодильнике, из которого его извлекут через 49 000 веков, чтобы он снова начал жить. Брун был еще младенцем в пеленках, когда изобрел **МАШИНУ ДЛЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ РАДУГ**, которая работала на воде и мыле. Вместо обыкновенных мыльных пузырей у нее получались радуги любой величины, и даже такие большие, что их можно было протянуть с одного конца неба на другой. Вообще они служили для разных целей, даже для того, чтобы развешивать на них белье. В яслях Брун, играя двумя палочками, придумал **БУРАВ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ДЕЛАТЬ ДЫРКИ В ВОДЕ**. Изобретение это получило очень высокую оценку рыболовов, которые употребляли этот инструмент, когда рыба не клевала.

Будучи в первом пригготовительном классе, Брун изобрел: **МАШИНУ, ЧТОБЫ ЩЕКОВАТЬ ГРУШИ, ГОРШОК, ЧТОБЫ ЖАРИТЬ ЛЁД, ВЕСЫ, ЧТОБЫ ВЗВЕШИВАТЬ**

ОБЛАКА, ТЕЛЕФОН ДЛЯ РАЗГОВОРОВ С КАМНЯМИ И МУЗЫКАЛЬНЫЙ МОЛОТОК, который, забивая гвозди, исполнял прекраснейшие мелодии, ну и многое другое в том же духе.

Было бы слишком долго перечислять здесь все изобретения Бруна. Мы назовем только самое известное, то есть МАШИНУ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ГОВОРИТЬ НЕПРАВДУ, которая действовала примерно так же, как автомат «Газированные воды». Опустить туда монетку – и можешь выслушать сразу 14 тысяч неправд. Машина содержала в себе абсолютно все неправды на свете: и те, которые уже были сказаны когда-то, и те, которые в данный момент были в голове у людей, и даже те, которые люди еще только придумают в будущем, 94

Когда машина выдала людям все возможные неправды, им осталось одно-единственное – всегда говорить только правду. Наверное, именно поэтому планету Мун называют еще ПЛАНЕТОЙ ПРАВДЫ».

Космическое меню

Один мой друг, космонавт, побывал на планете X-213 и привез оттуда на память меню одного местного ресторана. Я вам его перепишу слово в слово.

Закуска

Речная галька в пробочном соусе.

Гренки из промокательной бумаги.

Бефстроганов из угля.

Первые блюда

Бульон из роз.

Сушеная гвоздика в чернильном соусе.

Запеченные ножки маленького столика.

Лапша из розового мрамора в масле из протертых лампочек.

Свинцовые клецки.

Вторые блюда

Бифштекс из железобетона.

Ромштекс из железа.

Антрекот из чугуновой ограды.

Кирпичное жаркое с черепичным салатом.

Нотка «до» из горла индюшки.

Автомобильные покрышки, тушеные с поршнями.

Жареные водопроводные краники (горячие и холодные).

Клавиши пишущей (в стихах и в прозе) машинки.

Заказные блюда

Все что угодно.

Чтобы объяснить это последнее довольно общее выражение, я добавлю, что планета X-213, как вы уже догадались, вся целиком съедобная. Там можно спокойно съесть любую вещь, хоть уличный асфальт. «Даже горы?» – спросите вы.

И горы тоже. Жители планеты X-213 уже съели целый Альпийский хребет.

Катается, например, мальчик на велосипеде. Захотелось ему поесть. Он слезает с велосипеда и съедает седло или насос. А вообще ребята там больше всего любят колокольчики.

Первый завтрак обычно проходит так: звонит будильник, ты просыпаешься, хватаешь его и в два счета съедаешь.

Учебная конфета

На планете «Би» нет книг. Знания там продают и покупают в бутылках.

История, например, – это розовая водица, похожая цветом на гранатовый сок, география – мятная зеленая водичка, а грамматика – бесцветная жидкость и на вкус напоминает минеральную воду.

Школ на этой планете нет. Каждый учится у себя дома. По утрам все ребята, в зависимости от возраста, должны выпивать стакан истории, съесть несколько столовых ложек арифметики и так далее.

И все равно – вы только подумайте! – ребята капризничают.

– Ну будь умницей! – уговаривает мама. – Разве ты не знаешь, как вкусна зоология?! Она же сладкая, очень сладкая! Спроси у Каролины (Каролина – это домашний электрический робот).

Каролина великодушно соглашается попробовать содержимое бутылки. Она наливает себе немного в стакан, пьет и чмокает от удовольствия.

– Ух как вкусно! – восклицает она и сразу же начинает излагать полученные знания: – Корова – жвачное парнокопытное, питается травой и дает нам шоколадное молоко...

– Вот видишь?! – торжествует мама,

Мальчик повинуется. Он слегка подозревает, что речь идет не о зоологии, а о рыбьем жире, но потом берет себя в руки, закрывает глаза и проглатывает урок одним глотком, под аплодисменты.

Есть там, понятно, и прилежные ученики. Есть старательные и даже жадные до знаний. Они встают по ночам, берут потихоньку бутылку истории и выпивают ее всю до последней капли. Они становятся очень образованными.

Для ребят, которые ходят в детский сад, имеются учебные конфеты – на вкус они напоминают землянику или ананас и содержат несколько простых стихотворений, названия дней недели, а также числа – от одного до десяти.

Мой друг космонавт привез мне на память одну такую конфету. Я дал ее моей дочке, и она сразу же стала читать смешное стихотворение, написанное на языке планеты «Би». В нем говорилось примерно следующее:

Анта анта, перо перо,
Пинта пинта, пим перо!

И я, разумеется, ничего не понял.

Космический цыпленок

Знаете, кто выскочил из шоколадного яйца в прошлом году под Новый год в доме профессора Тиболла? Всем на удивление – космический цыпленок! Во всем он был похож как две капли воды на земного цыпленка. Только на голове у него была капитанская фуражка с телевизионной антенной на боку.

Профессор Тиболла, синьора Луиза и их дети все сразу сказали: «Ой!» – и после этого еще долго не могли найти никаких других слов.

Цыпленок осмотрелся вокруг и остался недоволен.

– Как вы отстали на вашей планете! – сказал он. – У вас еще только Новый год?! У нас, на Марсе-8, уже среда.

– Этого месяца? – спросил профессор Тиболла.

– Вот еще! Конечно, следующего! Но мы и годами ушли вперед – у нас там на двадцать пять лет больше!

Космический цыпленок прошелся немного по столу, разминая ноги, и проворчал:

– Какая досада! Ах, какая все-таки досада!

– А что случилось? – спросила синьора Луиза.

– Вы сломали мое летающее яйцо, и я не смогу теперь вернуться на родину!

– Но мы купили это яйцо в кондитерской! – объяснила синьора Луиза.

– Вы просто ничего не знаете. Это яйцо вовсе не шоколадное яйцо, а космический корабль, замаскированный под яйцо! И я – его капитан, переодетый цыпленком!

– А экипаж?

– Я и есть весь экипаж! Но теперь меня понизят в звании. Меня сделают по меньшей мере полковником.

– Да, но полковник выше капитана!

– Это у вас, потому что у вас все звания наоборот! У нас самое высокое звание – простой гражданин! Но мы только время теряем... Я не выполню своего задания! Вот в чем беда.

– Очень жаль... Видите ли, мы хотели бы вам помочь, но не знаем, какое у вас было задание...

– Гм, я ведь тоже не знаю. Я должен был ждать в той витрине, откуда вы меня взяли, нашего тайного агента.

– Интересно, – заметил профессор, – тайные агенты на Земле? А если мы пойдем в полицию и расскажем об этом?

– Ну и пожалуйста! Там только посмеются над вами, когда вы станете говорить им про космонавта-цыпленка!

– Это верно. Но может быть, вы хотя бы нас посвятите в ваши тайны?

– Ну... Тайным агентам поручено заблаговременно выяснить, кто из землян отправится через двадцать пять лет на Марс-8.

– Но это же просто смешно! Ведь мы даже не знаем сейчас, где находится такая планета – Марс-8.

– Вы забываете, дорогой профессор, что там у нас времени на двадцать пять лет больше! Поэтому мы-то уже знаем, что капитана-космонавта, который прибудет на Марс-8, будут звать Джино.

– Ух, – сказал старший сын профессора Тиболла, – как меня!

– Чистое совпадение! – заключил цыпленок. – Его будут звать Джино, и будет ему тридцать три года. Следовательно, сейчас на Земле ему ровно восемь лет.

– Пойдите, – воскликнул Джино, – мне же как раз восемь лет!

– Ты меня все время перебиваешь! – рассердился капитан космического яйца. – Как я вам уже сказал, мы должны найти этого самого Джино и других членов будущего экипажа, чтобы вести за ними регулярное наблюдение, без их ведома, разумеется, и воспитать их как следует.

– Что-что? – удивился профессор. – А мы, значит, плохо воспитываем наших детей?

– Во-первых, вы не приучаете их к мысли, что им предстоит жить в эру межзвездных путешествий, во-вторых, не внушаете им, что они являются гражданами не только Земли, но и всей вселенной, в-третьих, не объясняете им, что понятие «враг» нигде за пределами Земли не существует, в четвертых...

– Простите, капитан, – перебила его синьора Луиза, – а как фамилия этого вашего Джино?

– Видите ли, он не наш, а ваш. А зовут его Ти-болла. Джинно Тиболла.

– Так это же я! – подпрыгнул сын профессора. – Ура!

– Что значит «ура!»? – воскликнула синьора Луиза. – Не думаешь ли ты, что твой отец и я позволим тебе...

Но космический цыпленок уже влетел в объятия Джино.

– Ура! Мое задание выполнено! Через двадцать пять лет я смогу вернуться домой!

– А яйцо? – вздохнула сестренка Джино.

– Его мы немедленно съедим!

Конечно, они так и сделали.

Про дедушку, который не умел рассказывать сказки

Жила-была однажды маленькая девочка, и звали ее Желтая Шапочка...

– Не Желтая, а Красная!

– Ах да! Красная Шапочка... Мама позвала ее однажды и говорит: «Послушай, Зеленая Шапочка...»

– Да нет же, Красная!

– Да, да, Красная. «Пойди к тетушке Диомире и отнеси ей картофельную шелуху...»

– Нет! Мама сказала: «Сходи к бабушке и отнеси ей пшеничную лепешку!»

– Ну пусть будет так. Девочка пошла в лес и встретила жирафа.

– Опять ты все перепутал! Она встретила волка, а не жирафа!

– И волк спросил у нее: «Сколько будет шестью восемь?»

– Ничего подобного! Волк спросил у нее: «Куда ты идешь?»

– Ты права. А Черная Шапочка ответила...

– Это была Красная, Красная, Красная Шапочка!

– Ну, ладно, ладно. Красная. Она ответила: «Я иду на базар покупать томатный соус».

– Ничего подобного! «Я иду к бабушке, но я заблудилась».

– Правильно. А лошадь ей и говорит...

– Какая лошадь? Это был волк!

– Ну, конечно же, волк! Он ей и говорит: «Садись на семьдесят пятый трамвай, доезжай до соборной площади, сверни направо, там увидишь ступеньки вниз, а рядом на земле найдешь монетку в одно сольдо. На ступеньки ты не обращай внимания, а монетку подбери и купи себе мороженого!»

– Дедушка, ты совсем не умеешь рассказывать сказки! А мороженое ты мне все равно купишь!

– Ладно. Вот тебе сольдо.

И дедушка снова стал читать газету.

Приключения Пятерки

На помощь! На помощь! – кричит, убегая, бедняжка Пятерка.

– Что с тобой? Что случилось?

– Разве не видите? За мной гонится Вычитание! Беда, если догонит!

– Скажешь тоже, беда!...

Но беда случилась. Вычитание настигло Пятерку и стало кромсать ее своей острейшей шпагой – знаком «минус». Ну и досталось же нашей Пятерке... Но тут, по счастью, мимо проезжала длинная заграничная машина – вот такая длинная! Вычитание отвернулось на секунду, чтобы посмотреть, нельзя ли ее укоротить немного, и Пятерка мигом скрылась в подъезде. Только это была уже не Пятерка, а Четверка, и добавок с разбитым носом.

– Бедняжка, что с тобой? Ты подралась с кем-нибудь?

Боже правый! Спасайся кто может! Какой медовый голосок! Конечно, это Деление собственной персоной. Несчастливая Четверка еле слышно прошептала: «Добрый вечер!» – и попыталась шмыгнуть в сторону, но Деление оказалось гораздо ловчее и одним взмахом ножниц – • вжик! – разделило Четверку пополам: Двойка и Двойка. Одну Двойку оно спрятало в карман, а другая, улучив момент, выбежала на улицу и вскочила в трамвай.

– Еще минуту назад я была Пятеркой! – плакала Двойка. – А теперь, смотрите, во что я превратилась!

Вагоновожатый проворчал в ответ:

– Некоторые люди сами должны понимать, что им лучше ходить пешком, а не ездить в трамвае.

– Но это же не моя вина! Я тут ни при чем! Я же не виновата! – краснея, воскликнула Двойка.

– Да, конечно, дядя виноват! Так все говорят.

Двойка вышла на первой же остановке, пунцовая, как обивка на кресле. И тут... ей опять не повезло: она отдала кому-то ногу.

– Ах, простите, пожалуйста, синьора!

Но синьора, оказывается, нисколько не рассердилась, напротив, она даже улыбнулась. Смотри-ка, да ведь это синьора Умножение! У нее очень доброе сердце, и она очень жалует людей, когда те попадают в беду, – она тут же умножила Двойку на три, и вот уже перед нами великолепная цифра – Шестерка. Почему великолепная? Да это же Пять с плюсом! Ни один учитель никогда не напишет шесть, а припишет к Пятерке плюстик.

– Ура! Теперь я Пять с плюсом! И меня обязательно переведут в следующий класс.

Всеобщая история

Поначалу в жизни нашей было все не так, как надо.
Много сил вложили люди, чтобы сделать Землю садом.
Не было нигде тропинок, чтоб подняться в горы.
Без мостов речушки были недоступны, словно море.
Не было нигде скамеек, чтоб присесть усталым.
Не найти нигде кроватей ни большим, ни малым.
Ноги вечно исцарапаны острыми камнями,
потому что ни ботинок не было, ни няни.
И совсем не просто было тем, кто видел плохо:
не найти очков, и все, – сколько хочешь охай.
Хочешь в мячик поиграть – нет мячей в помине.
Хочешь есть – нет ни огня, ни горшков из глины.
Если, скажем, хочешь пить – кофе нет, нет кваса.
Нет ни пищи, ни питья. Вовсе нет – и баста!
Были только у людей руки – только руки.
И трудился предок наш, и не знал он скуки.
Много сделал для людей человек, бесспорно;
еще больше надо сделать – знай трудись упорно! ¹

¹ Перевод Л. Тарасова.